ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СКАЗКИ. ИСТОРИИ (СБОРНИК)

Ганс Андерсен

Сказки. Истории (сборник)

«Public Domain»

1835-1872

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44

Андерсен Г. Х.

Сказки. Истории (сборник) / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1835-1872

ISBN 978-5-17-106209-5

В книгу вошли сказки и истории великого датского писателя Х. К. Андерсена, принесшие ему мировую славу.

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-17-106209-5

© Андерсен Г. Х., 1835-1872
© Public Domain, 1835-1872

Содержание

Ханс Кристиан Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки» 6
Сказки, рассказанные детям 27
Огниво 27
Маленький Клаус и Большой Клаус 31
Принцесса на горошине 38
Цветы маленькой Иды 39
Дюймовочка 43
Скверный мальчишка 49
Русалочка 51
Новое платье короля 63
Ромашка 66
Стойкий оловянный солдатик 68
Дикие лебеди 71
Райский сад 80
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Ханс Кристиан Андерсен
Сказки. Истории

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Ханс Кристиан Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки»

По-разному складываются творческие судьбы писателей, имена которых вошли в мировую литературу. Одни, прожив короткую блистательную жизнь, навсегда оставляют след в памяти современников и потомков. Другие, встретив глубокую старость, по-прежнему – авторы одного произведения, написанного в молодости. Третьи, проведя в мучительных поисках истинного призвания долгие, отпущенные им годы, понимают, наконец, что главное их творение уже создано.

Последнее целиком относится к литературной судьбе великого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена. Почти всю жизнь он считал себя романистом, драматургом, поэтом, автором путевых очерков, а уже потом – сказочником. И хотя сказки принесли ему европейскую и даже всемирную славу, он глубоко переживал неудачу некоторых своих романов и, в особенности, пьес. Только в конце жизни Андерсен окончательно разочаровался в себе как в драматурге и романисте: «… драматические работы редко приносят мне радость… – писал он. – Для романов у меня нет достаточно знаний…»[1]

Тогда же писатель трезво оценил свой истинный талант, талант сказочника, признавшись, что счастье пришло к нему в образе Музы, одарившей его богатством сказок. Он понял, что сказки его – «блестящее, лучшее в мире золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазках, звенит смехом из детских уст и из уст родителей»[2].

Свою жизнь Андерсен неоднократно называл сказкой. Принято (особенно в немецком литературоведении) считать, что стимулом подобного восприятия действительности писателем послужили слова известного немецкого же естествоиспытателя и врача, друга Гёте – Карла Густава Каруса, который 2 марта 1846 г. написал в памятной книжке Андерсена, что прекраснейшей сказкой является сама жизнь человека. Однако выражение «сказка жизни» встречалось у датского писателя много раньше, еще в 1830 г., в финале его сказки «Мертвец». И связано оно, как и название мемуаров «Сказка моей жизни», с некоторой идеализацией пережитого. Писателю казалось сказочно прекрасным то, что он – выходец из самых бедных слоев датского народа – стал всемирно знаменитым, видел множество стран и был другом многих выдающихся людей своего времени.

Ханс Кристиан Андерсен, почти ровесник XIX в., свидетель его крупнейших событий, родился 2 апреля 1805 г. в небольшом провинциальном датском городке Оденсе на острове Фюн в семье бедного башмачника и прачки – Ханса Кристиана Андерсена-старшего и Анн Мари Андерсен. В доме его родителей часто не бывало хлеба, не говоря о новой одежде и обуви. Но и в этой нищенской жизни были свои радости. «…Мир, такой же богатый, как и в «1001 ночи», открылся предо мной», – писал позднее Андерсен о сказках и преданиях детства. Воображение впечатлительного мальчика питали и книги, которые читал ему отец, мечтавший поступить в гимназию, повидать дальние страны. Свою любовь к чтению, желание учиться и путешествовать бедный башмачник передал сыну. Андерсен рано научился читать, а побывав однажды в театре, начал сочинять пьесы и стихотворения. Но попасть в городскую школу сыну башмачника было трудно, и его отдали в школу для бедных, где учили письму, арифметике и закону Божьему. Между тем в семье Андерсена назревали трагические перемены. Шел 1813 год. Наполеоновские войны, в которых Дания участвовала на стороне Франции, эхом отозвались в стране: все вздорожало, жить становилось труднее и труднее. Отец будущего сказоч-

[1] *Andersen H. C.* Der Dichter und die Welt. Weimar, 1917, s. 369.

[2] *Andersen H. C.* Nye Eventyr og Historier. København, 1967, s. 125.

ника решил пойти в солдаты, заменив за соответствующее вознаграждение сына богатого крестьянина. Деньги, которые башмачник получил за рекрутство, быстро разошлись. Вернувшись домой в 1814 г., он через два года умер от чахотки. Андерсену в ту пору было 11 лет. Одаренный мальчик, которого многие в городе называли «маленький Уильям Шекспир», в полной мере испытал горечь и унижения бедности в стране, переживавшей национальную трагедию.

Случай помог Андерсену, жившему в крайней нищете, определить свое призвание. В 1818 г. в Оденсе приехали из Копенгагена несколько актеров, и некоторые из них стали кумирами Ханса Кристиана. Он решил уехать в Копенгаген, попытать счастья в театре, тем более, что к тому времени ему удалось скопить 13 риксдалеров. Наивному мальчику казалось, что с ними он завоюет мир, центром которого он считал столицу Дании. И вот утром 6 сентября 1819 г. четырнадцатилетний Андерсен впервые увидел шпили, колокольни и башни Копенгагена.

Этот день писатель всегда считал самым знаменательным в своей жизни. Когда в декабре 1867 г. его избрали почетным гражданином Оденсе, он просил отложить там празднества в его честь до 6 сентября 1869 г., когда исполнится полвека с того дня, как он прибыл в столицу Дании. Но тогда – в 1819 г. – он даже в самых смелых мечтах не представлял себе, что его ожидает всемирная слава. В театр мальчика не взяли, так как у него пропал голос – ведь он ходил в тоненьком пальтишке, в рваных башмаках и постоянно бывал простужен!

Деньги быстро подошли к концу, и ему пришлось жить на жалкие гроши, которые порой собирали для него по подписке доброжелатели. Все же в 1821 г. Хансу Кристиану удалось сыграть роль тролля в балете «Армида», а когда к нему вернулся голос, его приняли в хоровую школу. Он начал писать комедии, и к его мечте о судьбе актера присоединилось желание стать поэтом. В 1822 г. Андерсену посчастливилось опубликовать сборник «Юношеские опыты», куда вошли некоторые из его ранних незрелых и подражательных пьес, новелл и стихотворений. Но ему часто не хватало знаний, и государственный советник Йонас Коллин, принимавший в нем участие, выхлопотал для Андерсена право бесплатно учиться в гимназии провинциального городка Слагельсе, а затем Хельсингёра и ежегодную стипендию. Йонас Коллин, один из заслуженнейших государственных деятелей Дании того времени, сыграл огромную роль в жизни юноши. Влиятельный человек, член дирекции Королевского театра, секретарь фонда usus publicus, он немало помог Андерсену, который, при всей сложности их отношений, называл его «вторым отцом», а дом Коллина считал своим вторым родным домом. И очень дружил с детьми Коллина – Эдвардом и Ингеборг, к младшей же его дочери Луисе он долго испытывал чувство безнадежной любви. Но это все в будущем.

А пока в гимназии Ханс Кристиан был сыт и кое-как одет. Но ему, семнадцатилетнему юноше, не имевшему самого элементарного образования, пришлось сидеть рядом с учениками второго класса, мальчиками двенадцати-тринадцати лет, которые его всячески дразнили. Да и учеба давалась Андерсену нелегко! Ханс Кристиан был в отчаянии; его беды усугублялись недоброжелательным отношением к нему ректора гимназии Симона Мейслинга, поэта-неудачника, вымещавшего злобу на учениках, особенно на детях бедных родителей. Коллин, знавший о трудной жизни Андерсена, помог ему вернуться в Копенгаген. Там он мог встречаться с литераторами, там жили боготворимые им писатели-романтики Адам Готлоб Эленшлегер и Бернар Северин Ингеман.

Так кончились школьные годы будущего писателя. Подготовившись с помощью частных учителей, Ханс Кристиан в 1828 г. сдал при Копенгагенском университете экзамен на аттестат зрелости. Влача по-прежнему жалкое существование, он был счастлив, вырвавшись из ада гимназии, где жестокий ректор запрещал ему писать стихи, а он все же тайком сочинял не только стихи, но и пьесы, романы и сказки, которые сохранились в отдельных отрывках. Теперь же в Копенгагене Андерсен, избавившись от тирании Мейслинга, всецело занялся литературой. Он создал бесчисленное множество стихотворений, путевой очерк «Прогулка пешком от

Хольмского канала до восточной оконечности острова Амагер в 1828–1829 гг.», пьесу «Любовь на башне Св. Николая, или Что скажет партер», несколько романтических сказок. Андерсена начинают печатать, его пьесу с успехом ставят в Королевском театре. Но это вовсе не избавило Ханса Кристиана от нужды. Вплоть до 1839 г., т. е. в течение почти половины его жизни, литературные заработки Андерсена были очень скудны. Однако с 1829 г. благодаря путевому очерку и пьесе он приобретает некоторую известность и почти всецело посвящает свою жизнь творчеству. С 1830 г. биография писателя неотделима от его сочинений. В этом причина того, что лучше известны события детских и юношеских лет Андерсена. Жизнь Андерсена с этого времени – непрерывный литературный труд; счастье путешествий по Дании и за границей; калейдоскоп впечатлений и встречи с новыми друзьями (в их числе – писатели и поэты Гюго, Дюма-отец, Мюссе, Гейне, композитор Шуман, скульптор Торвальдсен, актриса Рашель и другие выдающиеся люди его времени); любовь к знаменитой шведской певице Йенни Линд, которую современники называли «шведским соловьем». Познакомились они в 1840 г., и Андерсен полюбил ее последней любовью. Но Линд любила только его книги и не ответила писателю взаимностью. Андерсену пришлось довольствоваться лишь ее дружбой, и утешала его, быть может, только всемирная слава.

Умер Андерсен в августе 1875 г. На похороны великого сказочника 8 августа пришли бедняки и знать, студенты, депутаты города Оденсе, иностранные послы и датский король. Один из очевидцев писал тогда, что в тот день копенгагенцы, бросив все свои дела, хоронили Ханса Кристиана Андерсена. Гроб с телом «короля сказок», как его называли, несли на руках по улицам столицы. В стране был объявлен национальный траур.

В могилу наш король сошел,
И некому занять его престол, —

писала одна из датских газет.

* * *

В развитии жанра литературной сказки, неразрывно связанной с именем Андерсена, значительную роль сыграло романтическое течение. В творчестве романтиков, особенно немецких, сказка стала каноном высокой поэзии, новым литературным жанром.

Литературная сказка Андерсена, в отличие от произведений его предшественников в этом жанре – Эленшлегера и Ингемана, тесно связана с народными сказками и преданиями. Именно Андерсен, человек, воспитанный на фольклорной традиции и вместе с тем поэтически одаренный художник, стал основоположником датской и мировой литературной сказки. Он стал сказочником XIX в., сказочником своей эпохи.

Андерсен пережил глубокое увлечение произведениями немецких и датских романтиков. Его главным вдохновителем был прежде всего Гофман с его сочетанием сказочного и действительного. Под влиянием Гофмана написаны незаконченные романы Андерсена «Аллея в Сорё» (1822) и «Фрагменты незавершенного исторического романа» (1824–1825), а также путевой очерк «Прогулка пешком на Амагер…». В произведениях Эленшлегера Ханса Кристиана восхищало возрождение старинных преданий севера, а в книгах Ингемана их национальный колорит. «Датская литература, – писал впоследствии сказочник, – высокая и поросшая лесом гора…», где «простираются могучие первобытные леса Эленшлегера…, а Ингеман ведет тебя при лунном свете по благоуханным буковым лесам, где поет соловей, а ручеек нашептывает древние легенды»[3]. Однако, признавая в конце 20-х годов лучшими литератур-

[3] *Andersen H. C.* En Digters Bazzar. København, 1842, s. 576.

ными образцами Гофмана, Шамиссо и Тика, Эленшлегера и Ингемана, Андерсен в книге «Прогулка пешком на Амагер…» (которая является его литературно-художественным манифестом этого периода) подвергает резкой критике преувеличения и ужасы, свойственные немецкой и датской романтической литературе того времени. Оставаясь в русле традиций этой литературы, Андерсен занимает свое особое место в датском романтизме. В начале 30-х годов писатель обращается к творчеству Гейне, проявляет интерес к писателям-реалистам Бликкеру и Бредалю, а позднее и Хейбергу. В конце жизни Андерсен увлекается творчеством Бальзака и Ибсена, открывает для себя русскую литературу от Карамзина до Пушкина, восхищается А. К. Толстым и И. С. Тургеневым. Величайшим гением для него был Пушкин. Преодолевая влияние различных писателей, Андерсен искал свой путь, создавая оригинальную, ни с чем не сравнимую литературную сказку, став ее творцом.

Литературная сказка Андерсена – качественно иное явление, нежели сказки немецких и датских романтиков. Отличается она, естественно, и от фольклористической, промежуточной сказки[4] братьев Гримм и скандинавских собирателей фольклора.

Чрезвычайно начитанный в европейской и датской романтической литературе, сказочник, как уже говорилось, испытал влияние немецкой романтической традиции, ярким примером чего являются сказки «Затонувший монастырь» и «Мертвец». Как и для немецких романтиков, особенно Гофмана и Шамиссо, сказка была для Андерсена не просто занятной историей, которую ему хотелось поведать читателям развлечения ради. В литературной сказке он нашел возможность выразить свое отношение к действительности, свое мировоззрение, общественные и эстетические идеалы. В таких сказках, как «Цветы маленькой Иды» и «Тень», чувствуются настроения немецких романтиков, научивших Андерсена сочетать элементы фольклора с современностью, вводить в повествование автора, а также известному приему – упоминанию героев различных литературных произведений и т. д.

Вместе с тем о сказке Андерсена следует судить, учитывая все особенности литературного развития этого писателя, сына своей страны и своего века. Литературная сказка датского писателя отличается от сказки Гофмана, Шамиссо, Брентано и Тика. Она сложна и синтетична, в ней ясно ощутимы старинная фольклорная традиция и современные Андерсену локальные датские и европейские реалии. Его произведения отражают многие научно-технические идеи XIX в. В отличие от немецких романтиков, он не только автор, обрабатывавший народные сюжеты и сочинявший оригинальные литературные сказки, но в каком-то смысле и собиратель фольклора. Он широко вводил в свои произведения фольклорные источники – народные сказки и предания, а иногда поверья и пословицы. Причем в его творчестве в большинстве случаев все эти источники могут быть прослежены и установлены.

Тесная связь с народной сказочной традицией отличает произведения Андерсена от литературных сказок его соотечественников и предшественников Эленшлегера и Ингемана. Эленшлегер как-то справедливо заметил, что Андерсену было свойственно субъективное, оригинальное понимание сказки[5]. Эта оригинальность понимания заключалась прежде всего в особом отборе материала для сказочной обработки, в новом восприятии действительности, в своеобразной трактовке проблемы Добра и Зла. Если Эленшлегер был в первую очередь поэтом и драматургом, а Ингеман романистом, то Андерсен известен прежде всего как сказочник. Эленшлегер и Ингеман не предназначали свои произведения для детей, не создавали сборники литературных сказок, объединенных общностью идейно-художественного замысла. Андерсен уже в своих первых произведениях обращался непосредственно к детской аудитории. Он опубликовал четыре сборника литературных сказок: «Сказки, рассказанные детям» (1835–1842), «Новые сказки» (1844–1848), «Истории» (1852–1855), «Новые сказки и истории» (1858–

[4] Так в отличие от фольклорной, народной, мы называем запись устной народной сказки.

[5] См.: Øehlenschläger A. Erindringer. København, 1951, Bd. IV, s. 144.

1872). Основное же отличие Андерсена от его датских предшественников заключалось в сочетании фантастики с будничностью и современностью: «Огонь трещит в печке, – писал сказочник в феврале 1836 г., – ко мне приходит моя Муза, рассказывает множество сказок и приводит героев из обыденной, окружающей нас среды. Она говорит мне: «Взгляни на этих людей, ты их знаешь, нарисуй их, они должны жить!»[6]

Кое-какие нити, несомненно, связывают Андерсена, воспитанного на датской народной традиции, с учеными Германии и Скандинавии. Прежде всего это – неоднократно высказанная им восторженная приверженность фольклору. Так, к 1825 г. относится высказывание Андерсена о том, что поэзия народа – это язык души и сердца, с помощью которых познается народная культура, а позднее он писал: «Народное предание живет в веках; в нем таится сила, противостоящая власти времени»[7]. Народную сказку писатель сравнивал с героями датских и норвежских народных сказок Простаком Хансом и Эсбеном Аскеладдом, который верхом на коне въезжает на Хрустальную гору и завоевывает принцессу. Народная сказка, презираемая, по словам датского писателя, своими «собратьями, пробивается все же вперед, поднимается до уровня подлинной Поэзии – королевской дочери, завоевывает ее и полкоролевства в придачу»[8]. Андерсен иногда записывал датские народные сказки и предания, иногда же обрабатывал услышанные. Порой писатель бывал информантом отдельных фольклористов, в частности Тиле; и он постоянно рассказывал народные предания и сказки.

Андерсен, несомненно, многое заимствовал у фольклористов Скандинавии, и прежде всего отдельные сюжеты и мотивы. Он едва ли хорошо знал сказки братьев Гримм, а если и знал, то познакомился с ними значительно позднее, когда уже были написаны многие из его произведений. Зато в одной из юношеских тетрадей будущего сказочника 20-х годов сохранилась запись о том, что ему понравился сборник «Датские народные предания», изданный Тиле[9]. С многими преданиями, в том числе о Хольгере Датчанине, о короле Кристиане IV и т. д., Андерсен познакомился именно по сборнику Тиле.

Трудно точно установить, где и когда узнал Андерсен народные сказки, использованные им в его творчестве, можно лишь предположить, что сказки «Одиннадцать лебедей», «Человек и его тень», опубликованные в сборнике Винтера[10], писатель также слышал еще в детстве. Ведь Винтер вырос неподалеку от Оденсе, в Виссенберге, и сказки его сборника – примерно те же, что рассказывали Андерсену в детстве. Хорошо знал писатель и сборник Кристиана Мольбека «Избранные сказки и истории»[11], хотя не пересказал ни одну из восьми сказок, напечатанных этим писателем. Однако стихотворение, посвященное сборнику, позволяет понять, какие сказочные, поэтические образы и реалии заинтересовали его у Мольбека. «Здесь предстанет перед тобой замок с тысячей зал, на стенах которых висят говорящие картины. Повсюду сады, горы, глубокие долы с золотом и жемчугом, рассеянными у родника… Багряный лес в особенности очарует тебя. И эльфы, познакомься с ними хорошенько! Подходи смело, здесь живет сказка, ее называют сказкой Мольбека в датской стране!»[12]

Конкретных сведений о знакомстве Андерсена со сборниками Свена Херслеба Грундтвига, издавшего в 50–60-х годах свод датских народных сказок, и норвежского ученого

---

[6] *Andersen H. C.* og Wulff H. En Brevveksling. Odense, 1959, Bd. I, s. 223–224.

[7] Цит. по: *Woel C. M.* H. C. Andersens Liv og Diglning. København. 1949, Bd. I, s. 19.

[8] *Andersen H. C.* Om eventyrdigtning. – In: Dansk lilteraer Kritikfra Anders Sørensen Vedel til Sophus Clausen. København, 1964, s. 162.

[9] См.: *Andersen H. C.* Brevveksling med Jonas Collin den Ældre og andre Medlemmer af det Collinske Hus. København, 1945, vol. I, s. 41.

[10] *Winther M.* Danske Folkeeventyr. København, 1823, l. Samling.

[11] *Molbeck Chr.* Udvalgte Eventyr og Fortællinger. København, 1843.

[12] *Andersen H. C.* Samlede Skrifter. København, 1879, Bd. XII, s. 251.

Пера Кристена Асбьёрнсена (кроме вышеупомянутого высказывания об Эсбене Аскеладде) нет.

Но ряд опубликованных этими фольклористами сказок («Миг в царстве небесном», «Нищий», «Большой брат и Маленький брат» и др.)[13] сюжетно совпадают с народными сказками, услышанными Андерсеном, возможно, в устной передаче и лежащими в основе его литературных сказок. Разумеется, он знал гораздо больше народных сказок и преданий, нежели использовал в своем творчестве. Но отбирал из них самые лучшие, отмеченные датским народным колоритом.

Вместе с тем многое отличает братьев Гримм и скандинавских фольклористов от Андерсена. Первые были не литераторами, а учеными. Народная сказка стала для них объектом изучения, что не помешало ей превратиться в любимое чтение детей и взрослых. Главная цель братьев Гримм и скандинавских фольклористов заключалась в спасении, сохранении народных сказок, в их собирании. Основная установка ученых – точная передача услышанного. Андерсен же прежде всего писатель. Он ввел народную сказку в художественную литературу Дании; он создал новый жанр – жанр литературной сказки. Опираясь на фольклор, он художественно преобразовывал отдельные его произведения в соответствии со своими взглядами и представлениями о жизни и литературе. Необычайно одаренная личность Андерсена, полет его фантазии, жизненный опыт нашли в литературных сказках этого художника яркое воплощение. И если сказку Андерсена порой принимают за народную, на это есть свои причины. Литературная сказка, имеющая своими истоками фольклор, по-своему подражает сказке народной. Общим для обоих этих жанров остается причудливое сочетание реального и нереального, правдивого и лживого, возможного с невозможным, вероятного с невероятным.

Литературная сказка создается на основе народной, по крайней мере вначале. Она использует темы, сюжеты, образы, структуру, приемы, язык, отдельные обороты народных сказок, контаминирует их. Многим авторам литературных сказок, в том числе и Андерсену, близки также эстетические нормы народных сказок.

«Эпические законы» народной сказки, ее основные признаки, как указывал датский фольклорист Аксель Олрик, имеют в известной степени значение и для авторского художественного творчества[14]. Однако жизнь народной сказки (соответственно и фольклористической), перевоплощенной в литературную, подразумевает уже совсем иную форму существования, иные законы. Известно, что «эпические законы» народной сказки, упоминаемые еще Грундтвигом и сформулированные в Дании Олриком, введены в научный обиход и развиты в трудах многочисленных ученых[15]. Между тем законы литературной сказки, в частности скандинавской, установлены сравнительно недавно и могут быть прослежены при сравнении сказок Андерсена с ее источниками[16].

Братья Гримм и Асбьёрнсон, обрабатывая народные сказки, переводили их на литературный язык, что для Германии и отчасти для Норвегии, где существовало множество различных диалектов, было важным делом. Благодаря этим ученым немецкие и норвежские народные сказки сделались всеобщим достоянием. Андерсен же, как говорилось, стал автором литературных сказок, проникнутых духом фольклора; в них действуют новые, современные герои, вещи, предметы, явления природы.

Уже в первых стихотворных сказках конца 20-х – начала 30-х годов «Каменный крест на острове Мён», «Невеста морского короля», «Снежная королева», «Русалка с острова Самсё», «Хольгер Датчанин», «Водолазный колокол» (из путевого очерка «Прогулка пешком на Ама-

---

[13] *Grundtvig S.* Gamle danske Minder i Folkemunde. København, 1856; *Asbjørnsen P. Chr., Moe J.* Norske Folkeeventyr. Oslo, 1842.

[14] *Olrik A.* Nogle grundsstninger for sagnforskning. København. 1921, s. 81.

[15] *Olrik A.* Epische Gesetze der Volksdichtung. – Zeitschrift für deutsche Altertum, 1909, Nr. 51. S. 7.

[16] См.: *Брауде Л. Ю.* Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979.

гер…») Андерсен расширил границы датской литературной сказки, введя темы современности, социальной критики и бытовые реалии. Это же справедливо по отношению к прозаическим сказкам «Эльфы в Люнебургской роще», «Король говорит: «Это – ложь!» (из путевого очерка «Теневые картины путешествия на Гарц, в Саксонскую Швейцарию и т. д. и т. д. летом 1831 года»). Первые прозаические сказки Андерсена, в том числе и сказка «Затонувший монастырь», – сказки индивидуальные, литературные, с четко окрашенной романтической позицией автора. Изменив содержание фольклорных источников, писатель рассказывал о современном ему обществе, восхвалял народную фантазию, личные достоинства человека, не зависящие от его происхождения. Как и предшественники великого сказочника, он прибегал к элементам фантастики, одухотворял вещи и предметы. Однако волшебные фигуры отдельных героев приобретают у него бытовой, жизненный характер. Положительными героями Андерсена становятся сильные и благородные представители народа – крестьяне и ремесленники, противопоставленные злым и ничтожным коронованным особам. В фантастические предания Андерсен вводил обыденные картины, а сказочные персонажи характеризовал с помощью бытовых деталей. Однако эти литературные сказки, отличающиеся, кроме того, от всегда прозаических народных своей стихотворной формой (не характерной и редкой для Андерсена), малоинтересны в художественном отношении.

Отчетливое представление об обработке сказочником народных сюжетов и мотивов дает его прозаическая литературная сказка «Мертвец», в основе которой – известные датские народные сказки. Из них писатель взял основной сюжет, историю бедняка Иоханнеса, троекратное повторение отдельных событий, образ чудесного попутчика-помощника. Но литературная сказка Андерсена – сложное, синтетическое явление, где, кроме основного сюжета и его вариантов, использованы также отдельные образы народного предания – эльфы, блуждающие огоньки, указание места действия (Богенсе и Эльведгор). Этой сказке свойственно также сочетание признаков народной сказки и предания, что является одной из художественных особенностей литературной сказки Андерсена. Сторонник правдивого искусства, сказочник переосмыслял фантастические образы, приблизив их к реальности: эльфы в его сказке танцуют французские танцы, блуждающие огоньки играют в пятнашки. Андерсен как бы приземляет могущественного короля, и тот предстает, хотя и с державой в руке, но в домашних туфлях и шлафроке. В народной сказке герой, положительный или отрицательный, наделен обычно каким-то одним качеством, в частности добротой. Это свойство, воспринятое датской романтической литературой из фольклора и характерное для нее, встречается и у Андерсена. Однако его герой, Йоханнес, не только добр, но и благороден, отважен и любознателен, в то время как король – слаб и ничтожен. В сказке «Мертвец» писатель соединяет несколько вариантов народных сказок, однако у него все подчинено определенной писательской идее, которая поднимает это произведение на качественно новую ступень. В противопоставлении доброго и благородного бедняка ничтожному королю и его злой дочери – основная идея сказки Андерсена. Любопытно, что образы короля и принцессы по сравнению с аналогичными образами народной сказки психологически заострены. В фольклорных сказках герой всегда женится на принцессе, хотя о любви там нет и речи. У Андерсена же появляется мотив романтической любви Йоханнеса к королевской дочери; он мечтает о ней. Сказочник выступает и против всякого рода преувеличений, лживости, неестественности и надуманности мелодрамы, но отдает дань и романтически-ироническим приемам, упоминая популярных в то время писателей – Гоцци, Миллера, Клаурена и художника Хогарта, а также героев известных литературных произведений – Вертера, Зигварта, принцессу Турандот. Писатель вносит в сказку и ряд романтически-пространных описаний природы, которых не было в народном источнике. Одновременно он стремится передать национальный датский колорит, красоту родных мест.

Современная Андерсену критика не обратила внимания на то, что сказка его стала литературной. Однако неодобрение некоторыми датскими писателями изменений, которые внес

сказочник, – свидетельство их бессознательного понимания этого факта. Так, Мольбек говорил, что ни в одной народной сказке нельзя встретить такого описания летнего вечера, как у Андерсена: «В детстве ему не приходилось слышать, чтобы народные сказки рассказывали таким образом»[17].

* * *

В 20-е годы Андерсен был сравнительно далек от общественнополитической жизни Дании. Его взгляды формировались под влиянием устной народной традиции, а также современной ему датской и западно-европейской литературы.

В 30-е годы мировоззрение Андерсена – демократа и гуманиста – складывалось под сильным воздействием эпохи Просвещения. В этот период усиливается пробужденный Июльской революцией интерес сказочника к современности, к европейской общественной мысли, к растущему в Дании движению за конституционные свободы. (Как известно, движение это привело к тому, что в 1849 г. Дания превратилась в конституционную монархию.) Андерсен становится членом «Общества правильного применения свободы печати» и публикует в издаваемой Обществом газете «Федреландет» истории «Эта басня сложена про тебя!», «Талисман» и «Жив еще старый Бог!». Наряду с этим четко проявляется основное противоречие в его политических взглядах, противоречие между демократическими устремлениями и верой в короля, «отца народа». Расплывчатый идеал Добра, Любви, Человеческого Достоинства и Справедливости, за который Андерсен ратовал в произведениях 20-х годов, уже в начале 30-х принимает более конкретные формы. В произведениях этого периода и особенно в истории «Оборвыш на троне французских королей» Андерсен, несмотря на присущую ему осторожность, высказывал интерес к свободолюбивым идеям и симпатии к народу. Воспевая в стихотворениях 30-х годов Июльскую революцию и «древо свободы», выросшее во Франции, он ясно давал понять, что стоит на стороне бедняков, угнетенных, борцов за свободу. В своих романах этих лет – «Импровизатор», «О. Т.» и «Только скрипач» – он рисовал суровую судьбу бедняка, лишения, выпадающие на его долю, говорил о скупых лучах счастья, редко озаряющих его жизнь. Андерсен искал возможность справедливо разрешить проблему борьбы Добра и Зла, и такую возможность предоставила ему сказка. В сказках Андерсен давал волю доброжелательному отношению к бедняку, сажал на трон даровитых и умных тружеников, позволял им участвовать в правлении государством. Прикрываясь детской наивностью и внешне безобидным юмором, он высказывал свободолюбивые и прогрессивные идеи. В сказках писатель говорил правду, а сатирически изображая птиц и животных, разоблачал светское общество.

В сказках Андерсен воплощает свой этический идеал, создает новую действительность, где торжествуют Справедливость, Добро, Любовь и Человеческое Достоинство.

Эти принципы легли в основу первых сборников Андерсена «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки», куда вошли наиболее известные его произведения. Хотя сборники отличаются друг от друга содержанием, общественно-политической, литературно-эстетической направленностью и характером использованных в них художественных средств, они имеют и нечто общее. Литературные сказки, включенные в эти сборники, как и все сказочное творчество Андерсена вообще, можно подразделить на сказки, построенные с помощью использования народных и иных источников, а также на сказки, придуманные самим писателем. И те и другие могут быть волшебными, авантюрными, бытовыми, шуточными или сатирическими. Отдельные же индивидуальные особенности литературной сказки Андерсена проявляются не только в его самостоятельных творениях, но и в обработках фольклорных сюжетов

[17] Цит. по: *Woel C. M.* H. C. Andersens Liv og Digtning. Bd. I, s. 281.

и мотивов. Писатель «изменял народную сказку, и это изменение было частью структуры его собственных, андерсеновских сказок»[18], – писал В. Б. Шкловский.

В разные периоды творчества у Андерсена преобладали литературные сказки либо одного, либо другого вида. Причем внутри каждого из них существовали более или менее значительно обработанные, более или менее самостоятельные литературные сказки.

Создание обоих видов литературных сказок идет у Андерсена почти параллельно, хотя обращение к фольклору и к другим источникам наиболее характерно для него в 30-е годы, а создание самостоятельно придуманных произведений – в 40-е и далее. В начале своей творческой деятельности писатель в основном обрабатывал народные сказки. Позднее он чаще трансформировал народные предания, представляющие благоприятный материал для свободной фантазии. С годами мастерство Андерсена росло, и он постоянно придумывал сказки, не утратившие связи с народной сказкой, проникнутые ее настроением и подчиняющиеся в какой-то мере и ее законам.

Сборник «Сказки, рассказанные детям» занимает значительное место в раннем творчестве Андерсена. Сам он, не придавая будущим сборникам большого значения, видимо, в шутку писал незадолго до выхода в свет первого выпуска сказок (1 января 1835 г.): «Они сделают мое имя бессмертным; я попытаюсь завоевать грядущие поколения»[19]. Эти сказки сразу же после выхода в свет получили широкий отклик. «В то время как отдельные люди, чьим мнением я особенно дорожу, ставили их выше всего остального, что мной напечатано, другие полагали их крайне незначительными и советовали мне не писать более подобных вещей»[20], – вспоминал впоследствии Андерсен.

Публике и критике в произведениях сказочника не хватало традиционных нравоучений, и ему советовали следовать французским образцам.

Современники Андерсена не поняли, что выход сборника молодого писателя – выдающееся событие в истории датской, да и всей мировой литературы, что писатель нашел в сказках свое истинное призвание. Более того: не оценив новаторства этих произведений, их резкого отличия от принятых морализаторских канонов, критики усмотрели в них лишь «безнравственность» и «аморальность». И в дальнейшем сказки не были оценены по достоинству в немногочисленных рецензиях на очередные выпуски сборника. Критики ограничились их пересказом и указанием на то, что сказки Андерсена хорошо известны и не нуждаются в подробной характеристике.

Андерсен назвал первый сборник «Сказки, рассказанные детям», объяснив это название следующим образом: «В первом выпуске я, подобно Музеусу, но по-своему, пересказал старые сказки, слышанные мною в детстве, голос рассказчика еще слышался мне и казался самым естественным. Но я хорошо знаю, что ученая критика станет порицать этот язык. Таким образом, чтобы настроить читателя на определенный лад, я назвал их «Сказки, рассказанные детям», хотя считал, что они предназначаются и для детей, и для взрослых»[21]. Словом «рассказанные» Андерсен подчеркивал необычность стиля и формы этих сказок; он писал их, словно рассказывая знакомым детям. И хотя сборник назывался «Сказки, рассказанные детям», третьему выпуску Андерсен предпослал обращение «К взрослым читателям…», предполагая, что сказки «Новый наряд короля» и «Русалочка» больше подходят именно этим читателям.

«Сказки, рассказанные детям» – первый сборник литературных сказок Дании, тесно связанных с отечественным фольклором и оригинальных по своему языку и стилю, отличается прогрессивностью общественных и литературных взглядов их автора. Любопытно, что появ-

---

[18] *Шкловский В. В.* Тетива. М.: Сов. писатель, 1970. С. 189.

[19] *Andersen H. C.* Brevveksling med Henriette Hanck. – In: Anderseniana. København, 1941. vol. IX, s. 108.

[20] *Andersen H. C.* Eventyr og Historier. København, 1943, Bd. V, s. 382.

[21] *Andersen H. C.* Samlede Skrifter, Bd. I, s. 280.

лению сказок предшествовало не только путешествие Андерсена в 1833 г. во Францию, где все еще напоминало о недавних событиях Июльской революции. Поездки по родной стране в 1830, 1832, 1834 и 1835 гг., когда писатель возобновил знакомство с богатейшей сокровищницей народных обычаев, сказок и поверий, также доставили ему материал для литературной обработки.

Из всех жанров фольклора, привлекавших внимание Андерсена, основные – народные сказки и предания. Особенно отчетливо ощущается сходство с народными источниками в сказках «Огниво», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине», «Дорожный товарищ» и «Свинопас». В них, да и в некоторых других, можно встретить типичных для народных сказок лиц (героев): солдата, бедных крестьян, свинопаса, старших и младших (богатых и бедных) братьев, короля, королеву, принца, принцессу и др. Есть там животные, птицы и насекомые. Из фантастических персонажей скандинавских народных сказок у Андерсена в его первом сборнике (правда, сравнительно редко) фигурируют тролли, русалки и ведьмы. Писатель следует и некоторым внешним стилевым особенностям народной сказки, ее эпическим законам: инициальные и финальные формулы (сильно видоизмененные), редкие медиальные формулы («снип-снап-снурре…»), частично неопределенные топографические и хронологические формулы (действие может происходить далеко-далеко, на всем свете, на дороге, в лесу, на берегу моря, в бедной лачуге, в королевском замке, в селении, в маленьком городке. События совершались много-много лет тому назад, после грозы и т. п.). Ведьмы у Андерсена так же неизменно стары, как и в народной сказке. Его произведениям свойственны фольклорная троичность (три собаки, три горницы), ступенчатость (все увеличивающиеся глаза собак и ценность монет), повторы, избранные немногочисленные эпитеты («богатый», «бедный» и характерные для Андерсена эпитеты «настоящий», а также «простой»). Писатель пользуется и приемами анимизации, одушевляя явления природы.

Вместе с тем существуют и определенные различия между сказкой Андерсена и народной (соответственно и фольклористической), так как сказочник с самого начала поставил перед собой задачу творчески самостоятельно обрабатывать известные сюжеты.

Его сказки, ставшие авторскими и получившие имя великого писателя, имеют свою творческую историю, почти о каждой содержатся интересные сведения в письмах и дневниках художника, а также в примечаниях к сказкам, написанных им незадолго до смерти[22]. Кроме того, в отличие от фольклорного текста, продолжающего творческую жизнь до тех пор, пока он живет в народе, и имеющего, как правило, множество вариантов, литературная сказка Андерсена более стабильна и обычно существует в одной редакции.

Сказки Андерсена значительно длиннее народных (хотя могут быть и очень кратки, емки, как, например, «Принцесса на горошине», «Скверный мальчишка»). Это объясняется тем, что литературная сказка, подобно всякому литературному произведению, в отличие от народного, всегда предполагает письменную форму существования. А так как такую сказку уже не нужно запоминать, она может быть какой угодно длины.

Элементы трансформации народной сказки, уже заметные в сказке «Мертвец», получают дальнейшее развитие. Можно сказать, что в сборнике «Сказки, рассказанные детям», оно идет по двум линиям. С одной стороны, Андерсен чрезвычайно расширяет традиционные рамки сказочного жанра. В первом томе сборника наряду с изменением волшебной среды и ее приближением к реальной жизни появляется и новый мир, построенный по желательным для Андерсена законам. С другой стороны, писатель ограничивает фантастику сказок, облекает волшебные фигуры и образы в прозаические одежды, как бы «приземляет» их. Причем если в первом томе Андерсен идет в основном по этому, последнему пути, то во втором томе, начиная с 1838 г., происходит расширение рамок сказки главным образом за счет создания

[22] См.: Andersen H. C. Bemærkninger til de to første Bind. – *Andersen H. C.* Eventyr og Historier, Bd. I–II. København, 1943.

особого волшебного мира, который можно назвать андерсеновским. И в сказках второго тома писатель творит этот новый мир, вводя в свои произведения и реально-бытовой комментарий, и элементы научной фантастики.

В сборнике «Сказки, рассказанные детям» наряду с традиционными героями (у Андерсена редки стереотипные персонажи – три сына, падчерица и т. д.) живут и действуют подмастерья, сапожники, кожевники, пономарь, бабушка, трактирщик, пастух, студент, советник, поэт, дети и т. д. Встречаются там и такие необычные для скандинавской народной сказки животные и пресмыкающиеся, как крот, ящерицы, а из насекомых – майские жуки, мотыльки.

С другой стороны, могущественные короли народных сказок у Андерсена «приземлены». Они сами открывают городские ворота и кувыркаются от радости. Если сравнить фантастику народных сказок с фантастикой датского писателя, значительно более свободной, нежели в народной сказке, и всецело подчиненной его воле, становится особенно заметно различие между обоими этими жанрами. У Андерсена очеловечены не только животные, но и его немногочисленные волшебные персонажи. Тролли, которые редко появляются у сказочника, превращаются в путешественников, а мать ветров журит сыновей за проказы и наказывает их, как расшалившихся детей. «Скверный мальчишка» Амур – ребенок, страдающий от голода и непогоды. В отличие от народной сказки «Одиннадцать лебедей», где героине помогает волшебница, Элиза встречает в лесу обыкновенную старушку. Самые фантастические события носят у Андерсена реальный характер. Пещеру старого тролля освещают тысячи светляков, окружают же его не таинственные существа, а пауки (хотя и огненные), зеленые мухи и черные кузнечики.

Уже в самых первых оригинальных, придуманных Андерсеном сказках 20-х годов выступали персонажи из мира природы и вещей. Ослепительно-белая ромашка (в одноименной сказке) с желтым, круглым, как солнышко, сердечком олицетворяет скромную милую девушку с золотым сердцем; детская игрушка – одноногий оловянный солдатик – бесстрашного и стойкого воина; кухонная утварь – обывателей.

Фантастика Андерсена вообще довольно умеренна. У него почти нет нарушений пределов времени и пространства, действие не происходит в тридесятом царстве и небывалых странах, отсутствуют, за редким исключением, и разные диковины. Правда, в отличие от народной сказки, где герои с трудом переходят из одного мира в другой, у Андерсена сказочный принц попадает в Райский сад. Изменен и один из важнейших законов народной сказки, закон троичности. Писатель не стремится создать впечатление об особой сложности предприятия, успех которого достигается лишь с третьего раза. И Элиза в сказке «Дикие лебеди» не третья, младшая сестра, которая побеждает только благодаря этому. Снижена у Андерсена и ступенчатость. Его герои не сражаются с трехглавыми, шестиглавыми, девятиглавыми змеями, они не приходят в лес с деревьями из золота, серебра и драгоценных камней. Герои сказочника попадают в горницы с золотыми, серебряными и медными монетами.

По сравнению с народной сказкой Андерсен изменяет характер инициальных и финальных формул. Он переосмысляет традиционный зачин «жил-был» и создает новый. Сохраняя указание на неопределенность времени и места («жил-был однажды…»), располагающее слушателей к необычайно интересному рассказу, а зачастую и восприятию чудесных событий, писатель расширяет инициальную формулу, когда пишет: «Много лет назад жил-был король, который так любил красивые новые платья!» Часто в зачине вместо короля или принца у Андерсена появляются необычные для народной сказки герои. «Жил-был поэт…», «Жили-были двадцать пять оловянных солдатиков…». Но сказочник уже не просто констатирует существование героя и не просто помещает его во времени, хотя и не уточненном. Большей частью он либо в инициальной формуле дает место действия, либо сразу же вводит читателя в суть происходящего: «В открытом море вода такая синяя…»; «Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два!». Культивируя одну из основных функций финальных формул, установку на «правди-

вость» событий, о которых идет речь («Знай, что это истинная история!»), как бы констатируя тот или иной факт, датский сказочник и здесь остается оригинальным. В его концовках отсутствует морализация. Существенно, что, наряду с обычными неопределенными топографическими формулами как в зачинах и концовках, так и в самом тексте, у Андерсена встречаются конкретные указания места действия – Копенгаген, Королевский сад, Турция. Или театр, кунсткамера, аптека, Круглая башня.

Авторская индивидуальность находит яркое выражение в образе рассказчика. Закономерное отличие литературной сказки Андерсена заключается именно в постоянном присутствии рассказчика, посредника между миром сказки этого автора и ее создателем. Реплики рассказчика слышатся то в инициальных, то в финальных формулах, а то и в самом тексте. Он постоянно дает объяснение происходящим событиям, оценивает людей, их вкусы, объясняет их поступки. «За городом, у самой дороги, стояла дача; ты, верно, и сам когда-нибудь видел ее!»; «Да, веселая была эта ночка!»; пономарь ел рыбу, «потому что любил ее»; «фи! какой скверный мальчишка этот Амур!». Причем если в русской литературной сказке второй половины XIX в. различают два основных типа сказочника – рассказчика из народа и самого автора, то Андерсену свойственна большая дифференциация этого образа. Роль рассказчика из народа исполняет у него и студент (это характерно для Дании, где основными собирателями фольклора были студенты), и старик-сосед, и фантастическое существо Оле-Лукойе, и цветы. В сказках второй половины 30-х годов в роли рассказчика начинают выступать отдельные действующие лица, что было связано с изменением композиции сказок Андерсена. Писатель строил свои произведения в простой народной манере и лишь в сказки «Сундук-самолет» и «Оле-Лукойе» вставил одну или несколько историй. Авторский голос также постоянно звучит на страницах сказок Андерсена. Порою он говорит от своего собственного имени. В некоторых сказках автор и рассказчик сливаются воедино, отождествляются, что придает происходящему оттенок достоверности.

Литературная сказка Андерсена, в отличие от народной, наполняется бытовыми подробностями, точными зарисовками природы и описанием человеческих чувств. При этом в ткани сказочного повествования они не ощущаются как чуждые, неожиданные, инородные вкрапления или помехи. В обработанных писателем сказках еще нет тех бытовых полотен, которые появятся в его оригинальных сказках. Пока он лишь подробно рассказывает о бедности героев, о том, что они едят и пьют, как одеваются. Поэтичные описания в сказках Андерсена резко отличают их от народных. Воспевание природы, культ ландшафта, присущий романтикам, характерен и для датского писателя. Но в его обработках и пересказах народных произведений это пока еще реальные картины природы. Сказочник восхваляет красоту природы Дании, острова Фюн и родного города Оденсе. В сказках встречаются описания оденсейских, особенно финских природных достопримечательностей.

Народной сказке, как известно, не свойственно описание настроения героев, показа их внутреннего мира. Герои фольклорной сказки не ведают душевной борьбы и любовного смятения. И хотя они по-своему любят и страдают, но описания чувств этих героев, их сомнений и колебаний в народной сказке отсутствуют. Линия действия такой сказки ясна, и в этом плане, например, андерсеновское «Огниво» близко народной. Романтическая же литературная сказка исходит как раз из внутренней жизни героя. В литературных сказках Андерсена герои испытывают глубокие потрясения, они колеблются и сомневаются. И хотя многие критики, начиная с Сёрена Киркегора и Георга Брандеса, не считали Андерсена, автора пяти романов, великим романистом, некоторые из его сказочных произведений напоминают камерные, любовные мини-романы, облеченные в форму сказки. В датских народных сказках, где часто встречается мотив самоотверженной любви – сестры к братьям, сына к отцу, отца и матери к детям, – не дается изображения такого возвышенного, самозабвенного чувства, какое испытывает Элиза к братьям, а король к неизвестной немой девушке, на которой он женится («Дикие лебеди»).

Для мировоззрения Андерсена характерна глубокая и органическая социальность; из многих сказок писателя явствует, что жизнь, лишенная духовных интересов, искажает человеческую психологию. В сказке «Принцесса на горошине» король и королева маленького, почти игрушечного государства, где король сам отпирает ворота, необычайно дорожат своими королевскими правами, и потому им необходима только настоящая принцесса. За маленьким сказочным государством, король которого, по существу, выступает в роли дворника, видится маленькое королевство Дания. Но его властители истосковались по настоящему величию. И то, что к ним забрела изнеженная чувствительная принцесса, поднимает королевскую семью в собственных глазах. Так удивительно, социально-психологически интерпретировал Андерсен народный источник, указать который пока не смог ни один андерсеновед. Ключом к решению этой загадки является, скорее всего, то, что буквального сходства искать не следует. Датский писатель вовсе не стремился к точному копированию фольклорных текстов. И по всей вероятности, свободно воспроизвел сюжет многочисленных датских народных сказок, где богатый крестьянин или просто состоятельный человек предъявляет к будущей невесте непременные требования: поменьше есть, а то и воздухом питаться, не болтать зря и т. д. Не менее вольно в плане социально-психологическом трактует писатель старую датскую народную сказку «Нищий» и ее варианты «Эсбен-трубочист», «Оборванец» и др. Сам Андерсен говорил, что в таком виде, в каком эту сказку рассказывали ему в детстве, он пересказать ее подобающим образом не мог. Поэтому, воспользовавшись целиком первой частью сказки, писатель убрал из нее черты грубости, эротики и создал в своей знаменитой сказке «Свинопас» резкую сатиру на королевскую власть и придворные нравы. Но самое главное – то, что гордую принцессу Андерсен сделал ничтожной и никчемной. Ее образ обрастает множеством чисто мещанских черт. И если в народной сказке принц исправляет принцессу, то у Андерсена он отвергает ее.

Датский писатель – носитель прогрессивных демократических традиций датской культуры – создавал сказку своего времени. То, что в произведениях Андерсена отразились политические и литературно-эстетические взгляды писателя, и делает его сказку авторской, андерсеновской. Изменяя народные источники, он создавал произведения, отмеченные глубокими симпатиями к народным героям, которые добиваются счастья и богатства. Используя частично народную сказку «Принцесса и двенадцать пар золоченых туфелек», а также различные варианты этой фольклорной истории о солдате, который женится на королевской дочери, Андерсен подчеркивает социальный смысл свадьбы простолюдина и знатной девушки. Героем литературной сказки «Огниво» оказывается народ. Обработав известный фольклорный источник, убрав отдельные черты присущей ему жестокости, Андерсен делает основной темой сказки «Большой Клаус и Маленький Клаус» не вражду двух братьев, пусть даже богатого и бедного, а сословное неравенство и борьбу богача и бедняка.

В многочисленных сказках середины 30-х годов уважаемые в обществе люди, даже короли и принцессы, с точки зрения Андерсена, вовсе не достойны уважения. Положительными героями, людьми в андерсеновском смысле слова выступают чаще всего бедняки и обездоленные – носители большого человеческого достоинства («Дюймовочка»). Во второй половине 30-х годов эта тема особенно развита в сказках «Стойкий оловянный солдатик» и «Ромашка». Их герои – воплощение мужества, постоянства и внутренней человеческой красоты.

В основе литературных сказок Андерсена, имеющих как бы несколько уровней, лежат не только народные сказки, но и народные предания, поверья, пословицы, а также литературные произведения, иногда иностранные. Порой мотивы народных сказок и преданий выступают в одной и той же литературной сказке. Причем в произведениях Андерсена, построенных на преданиях, поверьях, пословицах и т. д., еще более свободно реализуется индивидуальная авторская воля. Такого рода литературные сказки являются как бы переходной ступенью между андерсеновскими обработками народных сказок и его оригинальными литературными сказ-

ками. Датские народные предания и поверья с их сухой, лаконичной, зачастую афористичной формой, лишенной каких бы то ни было художественных элементов, предоставляют талантливому писателю широкое поле деятельности.

Весьма плодотворными для создания литературной сказки Андерсена в 30-е годы оказались народные поверья. Очаровательное датское поверье о старом боге снов Оле-Лукойе, который усыпляет малышей, рассказывая им сказки, помогает Андерсену написать новое произведение, содержащее множество аллюзий на современное ему буржуазное общество. В основе сказки «Русалочка» лежит народное поверье о том, что лишь верная любовь человека подарит русалке бессмертную душу. Вместе с тем «Русалочка» – оригинальная литературная сказка, в центре которой тончайшие описания движений человеческой души. В литературных сказках, основанных на народных преданиях, пессимистические нотки объясняются обычно тем настроением ужаса, страха перед потусторонним миром, который царит в этих народных произведениях. Пессимистический исход сказки «Русалочка» связан у Андерсена и с его романтическим представлением о невозможности счастья, о неосуществимости прекрасной мечты и истинной любви.

Отчетливей же всего подобная идея проявляется в сказках, основанных на иностранных сюжетах, расширивших круг источников литературной сказки Андерсена. В произведениях «Скверный мальчишка» и «Эльф розового куста», где сказочник использовал античный и итальянский сюжеты, трактуются этические проблемы.

В сказке «Новое платье короля» Андерсен дает обработку испанской новеллы XIV в., в которой повествуется о том, что приключилось с одним королем и тремя обманщиками. Андерсен, решив, по его словам, придать своему произведению сатирический характер, изменил чудесное свойство платья, которое в испанском источнике разоблачало незаконнорожденных. В его знаменитой сказке «Новый наряд короля» ткань, выдуманная обманщиками, становилась невидимой для всякого человека, который занимает не свое место или непроходимо глуп.

* * *

Новым этапом на пути Андерсена-сказочника явился сборник «Новые сказки», самое выдающееся его произведение 40-х годов. В этот период и начинается, по словам Андерсена, великое признание сказок. Однако популярность сказок и похвалы в их адрес отнюдь не означали, что они были оценены по достоинству. Правда, актуальность этих произведений отмечалась в декабре 1845 г. немецкой прессой, справедливо назвавшей их «сказками нашего времени». Датский писатель и журналист Мейр Арон Гольдшмидт, всегда строго судивший произведения Андерсена, нашел на этот раз верные слова для характеристики его своеобразной художественной манеры, когда писал в 1849 г.: «Он находит поэзию там, где другие едва осмеливаются искать ее, в предметах, которые считают некрасивыми, в погребе, где ель лежит в обществе крыс и мышей, в мусорном ведре, куда служанка выбросила пару старых воротничков, и т. д.»[23] Современники сказочника, да и многие исследователи его творчества почти не обратили внимания на изменение названия сборника «Новые сказки». Между тем Андерсен назвал эти сказки «новыми», потому что они значительно отличались от произведений 30-х годов не только своим настроением, источниками и содержанием, но и характером художественных средств.

В сборник «Новые сказки», в отличие от сборника «Сказки, рассказанные детям», вошли в основном произведения, придуманные самим Андерсеном. Обработанных фольклорных

[23] Цит. по: *Woel C. M.* H. C. Andersens Liv og Digtning. København, 1950, Bd. II, s. 307–308.

сюжетов в его творчестве 40-х годов гораздо меньше, чем в 30-х («Снежная королева», «Холм лесных духов», «Прыгуны», «Хольгер Датчанин», «Тень»).

В сказке «Снежная королева» писатель сохранил фабулу народного предания и стихотворной сказки 20-х годов. Из их простого ядра вырастает глубоко философское произведение, в котором Андерсен проводит идею победы подлинного чувства над холодным разумом. В сказке «Тень» писатель показывает ученого, образ, естественно, не свойственный народной сказке, как, впрочем, и образ поэта. В этом глубоко философском литературном произведении сказочник неизмеримо далек и от изданной Винтером народной сказки «Человек и его тень», и от повести Шамиссо «Необычайные приключения Петера Шлемиля». «Тень» – повесть о современном Андерсену обществе, где мудрый и благородный человек погибает и где ценится лишь хорошее платье. Андерсен расширяет рамки своих произведений и по сравнению с народными. Сказка «Хольгер Датчанин» содержит намеки на тогдашние политические события, в частности на сложные отношения Дании со Швецией. Одним из важных средств расширения мира сказки Андерсена в 40-х годах является введение в нее элементов национальной истории и ряда исторических персонажей: Людвига Хольберга, Тихо Браге, Бертеля Торвальдсена и т. д.

Обличение мещанства и аристократии («Гадкий утенок», «Счастливое семейство», «Штопальная игла», «Воротничок», «Ель», «Пастушка и трубочист», «Тень»), судьбы искусства в буржуазном обществе («Соловей», «Старый дом»), жизнь большого города («Девочка со спичками») – вот далеко не полный перечень новых актуальных тем в творчестве Андерсена этого периода. Во всех этих произведениях, наряду с правдивым изображением жизни бедняков, ощущается стремление к религии как единственному средству спасения несчастных, нищих, заблудших и высокомерных. В сказках «Девочка со спичками» и «История одной матери» Андерсен утверждает, что лучший исход для бедняков – смерть. Единственное, что может спасти Карен, тщеславную героиню сказки «Красные башмаки», – ее примирение с Богом.

Однако сентиментально-религиозные нотки присущи только отдельным и сравнительно немногим произведениям Андерсена.

40-е годы XIX в. – период появления таких мудрых социальных сказок Андерсена, как «Гадкий утенок», «Снежная королева» и «Тень», сказок, в которых своеобразная новаторская художественная манера писателя приобретает более углубленный характер. С одной стороны, в них по-прежнему, как в 30-х годах, заметно «приземление» фантастических образов, уменьшение элементов волшебства, но одновременно появляется еще больше животных, растений и предметов. Создание особого, андерсеновского мира происходит в этот период в основном путем огромного расширения диапазона сказки, куда широким потоком хлынула будничная жизнь. Одним из важнейших законов литературной сказки, как уже указывалось, является то, что автор ее – индивидуальный творец. Интересен поэтому индивидуальный, специфический путь Андерсена, создателя оригинальной сказки, представляющей собой не правило, а скорее исключение.

Некоторые из особенностей творчества датского сказочника стали ясны уже при сравнении его сказок с народными и ярко проявились в самостоятельно придуманных сказках писателя. В обработках народных и других источников он по-своему использовал этот материал; в оригинальных сказках – предметом художественного освоения Андерсеном становится весь мир, который он как бы ассимилирует, введя в литературную сказку.

Среди его оригинальных, самостоятельно придуманных сказок различаются прежде всего произведения о явлениях природы, растениях и животных, вещах и предметах, построенные внешне как бы по законам фольклора. Затем реальные истории со сказочными мотивами борьбы Добра и Зла, характерные для творчества писателя 50–70-х годов.

В путевом очерке «Базар поэта», своеобразном творческом манифесте начала 40-х годов, Андерсен теоретически осмысляет отношение к источникам своей литературной сказки. Он

утверждает, что окружающий человека мир прекрасен, что любое его явление, любая вещь может стать предметом сказки. Как бы иллюстрируя это положение, писатель включает в путевой очерк сказки, герои которых – ожившая скульптура, бронзовый кабан, украшающий фонтан во Флоренции, роза с могилы Гомера, собственные сапоги Андерсена. Одновременно в письмах, дневниках и т. д. он непрестанно говорит о новых источниках своих сказок, о том, как они рождаются: «Теперь я рассказываю только о том, что теснится в собственной груди… у меня множество материалов, больше, чем для какого-либо другого жанра творчества! Часто мне кажется, будто каждый дощатый забор, каждый цветок говорит мне: «Ты только взгляни на меня, и тогда моя история перейдет к тебе; и стоит мне захотеть, как у меня сразу же появляются истории»[24]. А в сказке «Бузинная матушка», опубликованной в 1845 г. в журнале «Гея», писатель заявил, что именно из действительности вырастают прекраснейшие сказки.

Природа, ее явления, вещи и предметы – основные элементы, за счет которых происходит расширение оригинальной литературной сказки Андерсена. В ней он воссоздает луга, леса, сады Дании, необозримые просторы Лапландии. Герои сказок – ели, березы, цветы, олени, кошки, соловьи, утята, утки, куры, индюки, улитки, навозные жуки, мотыльки и т. д. При этом произведения писателя сохраняют неповторимый датский колорит.

Расширение мира сказки датского писателя за счет многочисленных вещей и предметов, естественно, усиливает элемент бытописания, помогающий воссоздать картины жизни того времени. Литературная сказка Андерсена – своего рода этнографический музей, так как писатель еще более подробно рисует обстановку дома в Дании конца XVIII – начала XIX в., нежели в 30-е годы в сказке «Сундук-самолет» («Старый дом», «Пастушка и трубочист»), каморки сторожа («Старый уличный фонарь»). Быт у писателя чаще всего не сельский, как могло бы быть в сказке, связанной с народной, а городской, зачастую мещанский. Бытописание, точное воспроизведение примет того времени, нашедших отражение в обстановке, мебели, утвари, также придает произведениям писателя своеобразный национальный колорит.

В сказках Андерсена, созданных в 30-е годы при обработке народных и других источников, встречались и даже вели беседы на политические темы спички, корзинка для провизии и котелок. Самостоятельно придуманные сказки датского писателя наполнились множеством вещей и предметов. Штопальная Игла, Воротничок, Мяч, Подвязка, Ножницы, Уличный Фонарь и другие – лишь немногие герои оригинальных сказок, сохраняющие присущие им «естественные» черты. Но вместе с тем они одушевленны и так же очеловечены, как растения, животные и явления природы. Однако антропоморфизм был свойствен в какой-то мере и народной сказке. Более того, своеобразие немецкой народной сказки, сохраненной братьями Гримм, состоит в том, что в ней человеческими свойствами – говорить, мыслить и действовать – наделены не только животные и растения, но совершенно неодушевленные предметы, которые к тому же передвигаются с места на место. В немецких народных сказках, по словам Гейне, можно было встретить чудесные и вместе с тем абсолютно понятные вещи: «иголка с булавкой уходят из портняжного жилья и сбиваются с дороги в темноте; соломинка и уголек переправляются через ручей и терпят крушение». Но немецкая народная сказка о растениях и животных, вещах и предметах обыгрывает исконные их свойства. Она объясняет, например, отчего совы видят ночью или почему у боба вокруг «туловища» темный поясок, т. е. объясняют родовую особенность, свойственную всем совам и всем бобам.

Андерсену, как и творцам немецкой народной сказки, открылась внутренняя жизнь животных, растений и предметов, «которые приобрели свой определенный, только им присущий характер, представляющий очаровательную смесь фантастической прихоти и чисто человеческого склада ума»[25]. Но у датского писателя растения, животные, вещи и предметы часто

[24] Цит. по: *Topsøe-Jensen И.* H. C. Andersen i Livets Aldre. København, 1955, s. 35.

[25] *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. Л.: ГИХЛ, 1957, т. IV, с. 22.

резко меняют свою основную функцию. Андерсен приписывает им новые качества. Они живут и действуют в определенной среде, причем каждое дерево, каждая кошка и утка, каждое кресло индивидуализированы, а кроме того, как в сказках «Ель», «Снежная королева», «Старый дом» и т. д., наделены определенной психологией. Одна из основных особенностей литературной сказки Андерсена – то, что она социальна. За его героями, как взятыми из народных сказок, так и новыми, заимствованными из реальной жизни (деревьями, цветами, птицами, насекомыми, предметами быта, домашней утварью и т. д.), всегда стоит человек. Причем не как единичное явление, а как человек в окружающем его обществе. Для ели социальная среда, которая ее не удовлетворяет, – лес, а для ромашки – поле. Для излюбленных Андерсеном персонажей – кур и уток – такой средой является птичий двор. Двор этот – своего рода придворное или мещанское общество, где куры и утки – глупые и надутые придворные дамы или бюргерши, полные сословной спеси. В народной сказке животные чаще всего выполняют свойственную им функцию – птицы летают, рыбы плавают. У Андерсена же они живут в своем особом мире, антропоморфизированном писателем. Чего стоит, например, портретная галерея обитателей птичьего двора, где все заискивают перед уткой-иностранкой и преследуют уродливого утенка. Сколько мнимого достоинства в словах этой утки, когда она, делая вид, что оказывает величайшее одолжение, милостиво разрешает принести ей угриную головку. «Этот не удался! Хорошо бы его переделать!» – безапелляционно изрекает «знатная» утка при виде гадкого утенка. В своей мещанской ограниченности и глупом самодовольстве не отстают от утки и кот с курицей, которые советуют утенку класть яйца или мурлыкать, чтобы его не одолевала дурь, желание плавать.

С помощью анимизма и антропоморфизма датский писатель достигает большого осмысления и обобщения жизненного материала, философичности и лиризма. Одной из важных особенностей литературной сказки Андерсена является ее эмоциональность. Боб в сказке братьев Гримм не индивидуализирован и не вызывает сочувствия. Сказки датского писателя переполняет целая гамма чувств и настроений – восхищение, жалость, ирония и т. п.

Андерсен все очеловечивает и все поэтизирует. За историей ели открывается история человеческой жизни, элегическое сочувствие по поводу того, что она прожита бесплодно. И вместе с тем напоминание о более активном отношении к действительности (как и в сказке «Пастушка и трубочист»). Тоской и жалостью, ощущением горестности судьбы наполнена сказка «Гадкий утенок», где по-своему преломилась судьба самого Андерсена, исключительность его личности, философия искусства. В образе утенка в прекрасном единстве сочетаются и скромность, и волнения, и колебания, и надежды. Здесь целая философская концепция жизни, сходная с позицией самого Андерсена: сначала надо много-много перестрадать, а уже потом добьешься счастья. Вместо силы волшебства у писателя действует сила поэзии. И в этом еще одна черта его сказки, его сказочной фантастики. Если бы Андерсен рассказал про бедного мальчика, у которого рано умерли родители и который терпит всяческие невзгоды, но в конце добивается счастья, это была бы просто повесть. Историю гадкого утенка делает сказкой ее классическая аллегоричность.

Очеловеченные писателем явления природы и предметы позволяли ему, как говорилось выше, высказывать в аллегорической форме истины, которые были бы зачастую невозможны в любом другом жанре творчества. Подобно соловью из одноименного произведения, писатель в форме сказки рассказывал правду о копенгагенском мещанстве, о жителях капиталистического города, где все топчут и ненавидят друг друга. Как и удивительные существа из капли воды (в одноименной сказке), попирающие друг друга, олицетворяют, по мнению Андерсена, жителей Копенгагена.

Литературная сказка датского писателя, связанная с действительностью, тем не менее фантастична. Но фантастика эта своеобразна и также ограничена авторской индивидуальностью. Она как бы амбивалентна – двузначна. В ней происходит двойной процесс: обычное,

реальное становится чудесным, волшебным, фантастическое – приземленным. Очеловечением растений и животных, одушевлением и очеловечением внешне неодушевленных вещей и предметов, с одной стороны, приданием обыденности, будничности возвышенным сказочным персонажам – с другой, Андерсен создает свой особый мир, все явления которого двойственны; они волшебны и вместе с тем – не волшебны.

Обычная традиционная фантастика, казалось бы, почти сведенная на нет во многих сказках Андерсена, есть, вместе с тем, повсюду, во всех его произведениях, где животные, растения, вещи и предметы переживают неслыханные приключения. От того что героями сказки Андерсена становятся и сказочной жизнью живут реальные люди, цветы, деревья, снежинки, капли воды, утки, соловьи, олени, иглы, воротнички, мячик, кубарь и т. д., сама сказка не теряет своей необычности, волшебства, фантастичности. В произведениях, для которых характерно сплетение фантастического с реальным, необычное становится обычным, а обычное перестает быть повседневным и превращается в сказочное. Кряхтят и стонут кресла в сказке «Старый дом», обыкновенная штопальная игла путешествует и воображает себя брошкой, носятся с матримониальными планами воротничок и кубарь. Так что самые невероятные происшествия изображаются у Андерсена как совершенно реальные и достоверные, лишенные налета мистицизма и волшебства. В свою же очередь, привычные явления наделяются новыми, еще неизвестными свойствами, делающими их глубоко поэтичными и по-своему сказочными.

Из двойственной природы сказок Андерсена, герои которого предстают зачастую в виде растений, домашних животных и предметов, из сочетания необыкновенных человеческих черт, присущих всем героям сказочника, с их естественными свойствами возникают юмор и легкая ирония. Общественные пороки и недостатки рисуются в особо смешном свете, когда они придаются штопальной игле, воротничку, кубарю, мячику и т. д. Сатира писателя становится острее, когда мещанской ограниченностью наделяются утки, куры, кошки, улитки и т. д. Человеческие черты и поступки, приписываемые неодушевленным предметам, домашним животным и растениям, производят комическое впечатление. Помолвка мячика со стрижом, влюбленность кубаря в мячик невольно вызывают улыбку. Не случайно Андерсен говорил, что мастер, овладевший жанром сказки, должен уметь вложить в свои произведения «трагическое, комическое, наивное, ироническое и юмористическое»[26]. Порой юмор сказочника носит несколько завуалированный характер, это едва заметная ирония. Например, когда он с затаенной улыбкой говорит о том, что друзья перестали навещать обедневшего солдата: ведь надо было так высоко к нему взбираться! Или когда он лукаво замечает, что крестьянин терпеть не мог пономарей. И потому некий пономарь вынужден был навестить жену крестьянина, когда мужа не было дома.

Двойной адресат сказок Андерсена – еще одна чрезвычайно важная особенность его творчества. Именно сочетание сказочного и реального у датского писателя делает его произведения двуплановыми, интересными и детям, и взрослым. Андерсен, как известно, назвал свой первый сборник «Сказки, рассказанные детям». Но уже выпуску 1837 г., куда входили «Русалочка» и «Новое платье короля», он предпослал обращение «Ко взрослым». В дальнейшем сказочник сам говорил, что его произведения предназначались как для детей, так и для взрослых. Сохранив сказочную среду и доступный детям язык, Андерсен вложил в свои произведения мысли, которые были понятны их родителям. В самом деле, дети поддаются очарованию вымысла, их привлекает победа Добра над Злом, увлекательные сюжеты сказок, их яркие фигуры, быстрая смена эпизодов, подробные описания, при всей андерсеновской точности и лаконичности художественных средств, познавательность, юмор. Взрослые находят в сказках Андерсена глубокую философию, более реальный и более общий смысл, который легко свести к афоризму, пословице, крылатому выражению, придуманным самим писателем

[26] *Andersen H. C.* Samlede Skrifter. København, 1877, Bd. V, s. 490.

и широко бытующим по сей день: «А ведь король-то голый!» (перефразировка: «Да ведь он совсем голый!»); «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца»; «Принцесса на горошине» и т. п. Детей эти сказки учат познавать окружающий мир; взрослых – разбираться в жизни с ее радостями и разочарованиями, любовью и смертью, несправедливостью и ложью. Андерсен для детей и Андерсен для взрослых – это, по существу, два разных писателя в одном лице и в одном и том же произведении: первым понятен в основном его юмор, вторым – ирония и сатира. Что касается авторской морали, то она подается совершенно ненавязчиво. Писатель учит, воспитывает, но делает это так тонко и художественно, что дидактическое поучение у него обычно отсутствует или почти незаметно. В сказках Андерсена будничные вещи и предметы так же, как в детской игре, свободно вторгаются в повествование. Вместе с тем эти произведения, при всей их ненавязчивой морализации и «детскости», отличаются серьезностью.

Двойственный адресат сказок Андерсена отразился и на их языке, в котором детская форма изложения делает ряд описываемых событий особенно забавными в глазах взрослых читателей. Живой и эмоциональный язык датского писателя, близкий к разговорному, также является одной из индивидуальных особенностей его творчества. В сказке слышатся детский голос, интонации ребенка. Разговаривая с ним, как с равным, писатель объясняет ему все, преобразившись в рассказчика. Андерсену совершенно чужды подделки под детский язык. Он писал свои сказки так, как рассказывал их знакомым детям. И в этом – новая и оригинальная особенность сказки Андерсена. Сам способ его рассказа был настолько исключительно его собственный и живой, что немедленно очаровывал детей. Писатель, как вспоминал его друг Эдвард Коллин, не говорил: «Дети сели в карету, и она покатила». Он рисовал целую картину: «Вот сели они в карету, прощай, папа, прощай, мама, кнут щелкнул – щелк, щелк – и помчала…»[27] Андерсен совершенно естественно использовал детский и народный язык, который хорошо знал еще с оденсейских времен. До последних дней его творчества сказки писателя сохранили особую разговорную форму, обусловившую их близкий к народному язык. Особую живость сказкам придавали вводимые писателем пословицы и поговорки, зачастую придуманные им самим.

Умение Андерсена углублять и обобщать важные проблемы, его возросшее литературное мастерство и своеобразие художественной манеры, живой разговорный язык и оригинальная композиция произведений делают сказки 40-х годов непревзойденными в творчестве писателя, обусловливают их популярность не только среди народа Дании, но и за рубежом.

* * *

Пять романов и повесть «Счастливчик Пер», более 20 пьес, бесчисленное множество стихотворений, 5 книг путевых очерков, мемуары «Сказка моей жизни», обширная переписка, дневники – таков, кроме сборников сказок, итог творчества Андерсена – романиста, драматурга, поэта, путешественника, мемуариста и человека. Работа над этими произведениями способствовала созданию оригинальной литературной сказки Андерсена, в которой есть и драма, и роман, и философия…

Великий датский писатель свершил в области литературной сказки подвиг, подобный тому, который его современники – европейские романтики и реалисты – осуществили в сфере других литературных жанров. В начале XX в. крупный немецкий исследователь Рихард Бенц утверждал, что литературные сказки немецких романтиков утратили популярность и что властителем дум в этом жанре стал датчанин Андерсен[28]. Сказка Андерсена стала эталоном вели-

[27] См.: *Андерсен Г. Х.* Собр. соч.: В 4 т., т. IV, с. 448.

[28] См.: *Benz R.* Die Märchendichtung der Romantiker. Gotha, 1908.

чайшего мастерства. «Новая литературная сказка, – писал известный австрийский ученый наших дней Рихард Бамбергер, – строится не на основе творчества немецких романтиков, а на основе творчества датчанина Ханса Кристиана Андерсена… короля всех сказочников. Кто соразмеряет с искусством Андерсена каждую вновь появившуюся сказку… тот никогда не ошибется»[29]. Андерсен – основоположник традиции литературной сказки в Дании, традиции, насчитывающей уже немногим меньше 150 лет, и не только в своей родной стране, но и за ее пределами. Продолжателями Андерсена в скандинавском ареале и в Финляндии были выдающиеся сказочники – классики Сакариас Топелиус, Сельма Лагерлёф и современные нам писательницы, всемирно знаменитые Астрид Линдгрен и Туве Янсон.

Андерсен, как никто другой из его соотечественников, жив и поныне, хотя в 1980 г. во всем мире торжественно праздновалось его 175-летие. В 1955 г. все человечество по призыву Всемирного совета мира отмечало 150-летие со дня рождения великого сказочника. 1975 год, когда исполнилось 100 лет со дня его смерти, был провозглашен Международным годом Андерсена. Великим праздником отмечалось 200-летие со дня его рождения, 2 апреля 2005 г. Многие литературные события современности до сих пор связаны с его именем. В 1958 г. была учреждена Международная золотая медаль Ханса Кристиана Андерсена, получившая название «Малой Нобелевской премии», которая раз в два года присуждается лучшему современному автору, чаще всего сказочнику, а также художнику-иллюстратору. Ею награждены Астрид Линдгрен, Туве Янсон и Джанни Родари, Элеонор Фарджон, Эрих Кестнер и Джеймс Крюсс, художники Татьяна Маврина, Иб Спанг Ольсен и др. С 1967 г. по решению Международного совета по детской и юношеской литературе – 2 апреля, в день рождения Андерсена проводится Международный день детской книги.

Интерес к творениям писателя, главным образом к его сказкам, не угасает. Порой сказки Андерсена печатаются без указания имени автора и, пройдя путь из литературы в народ, становятся как бы народными.

Андерсен и его творчество постоянно в центре внимания литературоведов не только в Дании, но и за рубежом. В XX в. сказки и истории Андерсена становятся достоянием науки, поставившей их изучение на качественно новую ступень. На Западе выходит ряд интересных монографий об Андерсене, ежегодный сборник «Андерсениана», издаваемый с 1933 по 1955 г. «Обществом Ханса Кристиана Андерсена» в Дании, а с 1955 г. – Домом-музеем Ханса Кристиана Андерсена в его родном городе Оденсе.

Детальное рассмотрение существующей андерсенианы позволило бы одновременно создать историю скандинавского литературоведения, потому что творчеством Андерсена занимались представители различных литературных направлений XIX – XX вв. Ему отдали дань крупнейшие литераторы романтической ориентации, такие как Й. Л. Хейберг, К. Хаук и П. Л. Мёллер, философ Киркегор. Статья Брандеса, заложившего основы социально-активного, критического, позитивистского литературоведения в Скандинавии, послужила началом серьезного изучения сказок Андерсена. Не случайно он сам высоко оценил работу своего земляка, считая, что тот «с таким умом и искренностью молодости» проник в самую сущность его фантазии.

Классическим примером генетико-биографического метода датского литературоведения служит книга (и другие работы) Брикса, прослеживающего отзвуки родственных и личных отношений Андерсена в его сказках. В традиционно-академическом и сравнительно-историческом плане написаны исследования Рубова, Грёнбека, Бредсдорфа, Кофода. В духе юнгианской теории дается психологическое исследование интеллектуальных предпосылок самых значительных сказок Андерсена в нашумевшей психоаналитической работе Э. Нюборга[30]. С

[29] *Bamberger R.* Jugendlektüre. Wien, 1965, s. 135.

[30] *Nuborg E.* Den indre linie i H. C. Andersens eventyr. København, 1962.

социально-политических позиций рассматривает сказки Андерсена Х. Рю[31]. Много новых публикаций появилось в связи с юбилеем Андерсена в 1975 г. (сто лет со дня смерти).

В России работ об Андерсене несравненно больше, нежели статей (не говоря уж о книгах) о других скандинавских писателях и сказочниках. Это позволяет в ряде случаев обращаться к уже опубликованным исследованиям, в которых рассматриваются проблемы, оказавшиеся в поле зрения российских ученых. Прежде всего – весьма важна теоретическая проблема создания литературной сказки в творчестве Андерсена. А также вопрос об особенностях поэтики и классификации сказки, характеристики ее законов.

Л. Брауде

[31] *Rye H.* Andersen og Folk. Land og Folk, 1953, den. 2. april; см. также *Jørgensen C. J.* Eventyret og virkeligheden. Tiden, 1955, N 4.

Сказки, рассказанные детям

Огниво

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретилась ему старая ведьма – безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

– Здорово, служивый! – сказала она. – Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо, старая ведьма! – сказал солдат.

– Видишь вон то старое дерево? – сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. – Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустись в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

– Зачем мне туда лезть? – спросил солдат.

– За деньгами! – сказала ведьма. – Знай, что когда ты доберешься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нем горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку: глаза у нее словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подойди и схвати собаку, посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра – ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами как мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай ее на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойди только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза – каждый с Круглую башню. Вот это собака! Злющая-презлющая! Но ты ее не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

– Оно бы недурно! – сказал солдат. – Но что ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

– Я не возьму с тебя ни полушки! – сказала ведьма. – Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

– Ну, обвязывай меня веревкой! – приказал солдат.

– Готово! – сказала ведьма. – А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами как чайные чашки и таращилась на солдата.

– Вот так молодец! – сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами как мельничные колеса.

– Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! – сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошел в третью комнату. Фу-ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две Круглые башни и вертелись, точно колеса.

– Мое почтение! – сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он еще не видывал.

Долго смотреть на нее он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговки сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок

и все кнутики на свете! На все хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

– Тащи меня, старая ведьма!

– Огниво взял? – спросила ведьма.

– Ах черт, чуть не забыл! – сказал солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

– Зачем тебе это огниво? – спросил солдат.

– Не твое дело! – ответила ведьма. – Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

– Как бы не так! – сказал солдат. – Сейчас говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

– Не скажу! – уперлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда – теперь ведь он был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим барином, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

– Как бы ее увидать? – спросил солдат.

– Этого никак нельзя! – сказали ему. – Она живет в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят!

«Вот бы на нее поглядеть!» – подумал солдат. Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в Королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Так он все тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей не навещал его – уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было даже денег на свечку; он и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

– Что угодно, господин? – пролаяла она.

– Вот так история! – сказал солдат. – Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить все, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! – сказал он собаке. Раз – ее уж и след простыл, два – она опять тут как тут, а в зубах у нее большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз – является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два – является та, которая сидела на серебре; ударишь три – прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же узнали его и ужасно полюбили.

Вот ему и приди в голову: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?» И он ударил по кремню раз – в тот же миг перед ним стояла собака с глазами точно чайные чашки.

– Теперь, правда, уже ночь, – сказал солдат. – Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал ее, – он ведь был бравый воин, настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

– Вот так история! – сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину – она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» – взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидала этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота – повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

– Вот куда! – сказал король, увидев первые ворота с крестом.

– Нет, вот куда, муженек! – возразила королева, заметив крест на других воротах.

– Да и здесь крест, и здесь! – зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки штуку шелковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что начал жалеть, отчего он не принц, – так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она прыгнула с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело услышать это, а огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном

переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

– Эй ты, куда торопишься? – сказал мальчику солдат. – Без меня ведь дело не обойдется! А вот если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и… А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку, – это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три – и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами как чайные чашки, собака с глазами как мельничные колеса и собака с глазами как Круглая башня.

– А ну, помогите мне избавиться от петли! – приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажен, и все падали и разбивались вдребезги!

– Не надо! – закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

– Служивый, будь нашим королем и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Маленький Клаус и Большой Клаус

В одной деревне жили два человека; обоих звали Клаусами, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы различить их, и стали звать того, у которого было четыре лошади, Большой Клаус, а того, у которого одна, Маленький Клаус. Послушаем-ка теперь, что с ними случилось; ведь это целая история!

Всю неделю, как есть, должен был Маленький Клаус пахать на своей лошадке поле Большого Клауса. За то тот давал ему всех своих четырех, но только раз в неделю, по воскресеньям. Ух ты, как звонко щелкал кнутом Маленький Клаус над всей пятеркой, – сегодня ведь все лошадки были будто его собственные. Солнце сияло, колокола звонили к обедне, люди все были такие нарядные и шли с молитвенниками в руках в церковь послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, и он был очень доволен, пощелкивал кнутом и покрикивал:

– Эх вы, мои лошадушки!

– Не смей так говорить! – сказал ему как-то раз Большой Клаус. – У тебя ведь всего одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус забывал, что не смел говорить так, и опять покрикивал:

– Ну вы, мои лошадушки!

– Перестань сейчас же! – сказал ему наконец Большой Клаус. – Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да хвачу твою лошадь по лбу. Ей тогда сразу конец придет!

– Не буду больше! – сказал Маленький Клаус. – Право же, не буду!

Да вдруг опять кто-то прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет так важно на пяти лошадях, опять щелкнул кнутом и закричал:

– Ну вы, мои лошадушки!

– Вот я тебе понукаю твоих лошадушек! – сказал Большой Клаус.

Взял он обух, которым вколачивают в поле колья для привязи лошадей, и так хватил лошадь Маленького Клауса, что убил ее наповал.

– Эх, нет теперь у меня ни одной лошади! – проговорил Маленький Клаус и заплакал.

Потом он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру, положил в мешок, взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко, через большой темный лес, а тут еще непогода разыгралась, и Маленький Клаус заблудился. Едва выбрался он на дорогу, как совсем стемнело, а до города было еще далеко, да и домой назад не близко; до ночи ни за что не добраться ни туда, ни сюда.

При дороге стоял большой крестьянский двор; ставни в доме были уже закрыты, но сквозь щели светился огонь.

«Вот тут я, верно, найду себе приют на ночь», – подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла, узнала, что ему надо, и велела идти своей дорогой: мужа ее не было дома, а без него она не могла принимать гостей.

– Ну, тогда я переночую на дворе! – сказал Маленький Клаус, и хозяйка захлопнула дверь.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом – сарайчик с плоской соломенной крышей.

– Вон там я и улягусь! – сказал Маленький Клаус, увидев эту крышу. – Чудесная постель! Надеюсь, аист не слетит и не укусит меня за ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома в своем гнезде стоял живой аист.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни закрывали только нижнюю половину окон, и ему видна была вся горница.

А в горнице был накрыт большой стол; чего-чего только на нем не было: и вино, и жаркое, и чудеснейшая рыба; за столом сидели хозяйка и пономарь, – больше никого.

Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу, – он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» – подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой дивный пирог он увидал! Вот так пир!

Но тут он услыхал, что кто-то подъезжает к дому, – это вернулся домой хозяйкин муж. Он был очень добрый человек, но у него была странная болезнь: он терпеть не мог пономарей. Стоило ему встретить пономаря – и он приходил в бешенство. Поэтому пономарь и пришел в гости к его жене в то время, когда мужа не было дома, а добрая женщина постаралась угостить его на славу. Оба они очень испугались, услышав, что хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, который стоял в углу. Пономарь послушался, – он ведь знал, что бедняга хозяин терпеть не может пономарей, – а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы муж увидал все это, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

– Ах! – громко вздохнул Маленький Клаус на крыше, глядя, как она прятала кушанье и вино.

– Кто там? – спросил крестьянин и вскинул глаза на Маленького Клауса. – Чего ж ты лежишь тут? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, что он заблудился и попросился ночевать.

– Ладно, – сказал крестьянин, – ночуй. Только сперва нам надо с тобой подкрепиться с дороги.

Жена приняла их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, которые были спрятаны в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, с той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла ему в горло, и вот он придавил мешок ногой; сухая шкура громко заскрипела.

– Тсс! – сказал Маленький Клаус, а сам опять наступил на мешок, и шкура заскрипела еще громче.

– Что там у тебя? – спросил хозяин.

– Да это все мой колдун! – сказал Маленький Клаус. – Говорит, что не стоит нам есть кашу, – он уже наколдовал для нас полную печку всякой всячины: там и жаркое, и рыба, и пирог!

– Вот так штука! – вскричал крестьянин, мигом открыл печку и увидал там чудесные кушанья. Мы-то знаем, что их спрятала туда его жена, а он подумал, что это все колдун наколдовал!

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все на стол, а муж с гостем принялись уплетать и жаркое, и рыбу, и пирог. Но вот Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

– А что он сейчас сказал? – спросил крестьянин.

– Да вот, говорит, что наколдовал нам еще три бутылки вина, они тоже в печке, – ответил Маленький Клаус.

Пришлось хозяйке вытащить и вино. Крестьянин выпил стаканчик, другой, и ему стало так весело! Да, такого колдуна, как у Маленького Клауса, он не прочь был заполучить!

– А может он вызвать черта? – спросил крестьянин. – Вот на кого бы я посмотрел; ведь мне сейчас весело!

– Может, – сказал Маленький Клаус, – мой колдун может сделать все, чего я захочу. Правда? – спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела.

– Слышишь? Он отвечает «да». Только черт очень уж безобразный, не стоит и смотреть на него!

– Ну, я его ни капельки не боюсь. А каков он на вид?

– Да вылитый пономарь!

– Тьфу! – сплюнул крестьянин. – Вот мерзость! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, я ведь знаю, что это черт, и мне будет не так противно! К тому же я сейчас набрался храбрости, это очень кстати! Только пусть он не подходит слишком близко!

– А вот я сейчас скажу колдуну! – проговорил Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

– Ну что?

– Он велит тебе пойти и открыть вон тот сундук в углу: там притаился черт. Только придерживай крышку, а то он выскочит.

– А ты помоги придержать! – сказал крестьянин и пошел к сундуку, куда жена спрятала пономаря.

Пономарь был ни жив ни мертв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

– Тьфу! Видел, видел! – закричал он и отскочил прочь. – Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Такую неприятность надо было запить, и они пили до поздней ночи.

– А колдуна этого ты мне продай! – сказал крестьянин. – Проси сколько хочешь, хоть целый четверик денег!

– Нет, не могу! – сказал Маленький Клаус. – Подумай, сколько мне от него пользы!

– Продай! Мне страсть как хочется его получить! – сказал крестьянин и принялся упрашивать Маленького Клауса.

– Ну ладно, – ответил наконец Маленький Клаус, – пусть будет по-твоему! Ты со мной ласково обошелся, пустил меня ночевать, так бери моего колдуна за мерку денег, только насыпай пополнее!

– Хорошо! – сказал крестьянин. – Но ты должен взять и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почем знать, может, черт все еще там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полную мерку денег, да еще большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

– Прощай! – сказал Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и с сундуком, в котором все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекала большая глубокая река, такая быстрая, что едва можно было справиться с течением. Через реку был перекинут новый мост. Маленький Клаус встал посредине моста и сказал нарочно как можно громче, чтобы пономарь услышал:

– К чему мне этот дурацкий сундук? Он такой тяжелый, точно набит камнями! Я совсем измучусь с ним! Брошу-ка его в реку: приплывет он ко мне домой сам – ладно, а не приплывет – и не надо!

Потом он взялся за сундук одною рукою и слегка приподнял его, точно собираясь столкнуть в воду.

– Постой! – закричал из сундука пономарь. – Выпусти сначала меня!

– Ай! – вскрикнул Маленький Клаус, притворяясь, что испугался. – Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть тонет!

– Нет, нет! Это не черт, это я! – кричал пономарь. – Выпусти меня, я тебе дам целую мерку денег!

– Вот это другое дело! – сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к пономарю, и Маленький Клаус получил еще целую мерку денег. Теперь тачка была полна деньгами.

– А ведь лошадка принесла мне недурной барыш! – сказал себе Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол кучу денег. – Вот Большой Клаус-то разозлится, когда узнает, как я разбогател от своей единственной лошади! Только пусть не ждет, чтобы я сказал ему всю правду!

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку, которою мерят зерно.

«На что она ему понадобилась?» – подумал Большой Клаус и слегка смазал дно меры дегтем, – авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив мерку назад, Большой Клаус увидел, что ко дну прилипли три новенькие серебряные монетки.

– Вот так штука! – сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

– Откуда у тебя столько денег?

– Я продал вчера вечером шкуру своей лошади.

– С барышом продал! – сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил всех своих четырех лошадей, снял с них шкуры и отправился в город продавать.

– Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! – кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

– Мерку денег за штуку! – отвечал Большой Клаус.

– Да ты в уме? – возмутились покупатели. – У нас столько денег не водится, чтобы их мерками мерить!

– Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! – кричал он опять и всем, кто спрашивал, почем у него шкуры, отвечал: – Мерку денег за штуку!

– Да он нас дурачить вздумал! – закричали сапожники и кожевники, похватали кто ремни, кто кожаные передники и принялись хлестать ими Большого Клауса.

– «Шкуры! Шкуры!» – передразнивали они его. – Вот мы покажем тебе шкуры! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Сроду его так не колотили!

– Ну, – сказал он, добравшись до дому, – поплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса как раз умерла старая бабушка; она не очень-то ладила с ним, была злая и жадная, но он все-таки очень жалел ее и положил на ночь в свою теплую постель – авось отогреется и оживет, – а сам уселся в углу на стуле: ему не впервой было так ночевать.

Ночью дверь отворилась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней и ударил по голове того, кто на ней лежал. Думал, что это Маленький Клаус, а там лежала мертвая бабушка.

– Вот тебе! Не будешь меня дурачить! – сказал Большой Клаус и пошел домой.

– Ну и злодей! – сказал Маленький Клаус. – Это он меня хотел убить! Хорошо, что бабушка-то была мертвая, а то бы ей не поздоровилось!

Потом он одел бабушку в праздничное платье, попросил у соседа лошадь, запряг ее в тележку, хорошенько усадил старуху на заднюю скамейку, чтобы она не свалилась, когда поедут, и покатил с ней через лес.

Когда солнышко встало, они подъехали к большому постоялому двору. Маленький Клаус остановился и пошел спросить себе чего-нибудь закусить. У хозяина постоялого двора было много-много денег, и сам он был человек очень добрый, но такой горячий, точно весь был начинен перцем и табаком.

– Здравствуй! – сказал он Маленькому Клаусу. – Чего это ты нынче спозаранку расфрантился?

– Да вот, – отвечал Маленький Клаус, – надо с бабушкой в город съездить; она там, в тележке, осталась – ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду. Только говорите с ней погромче, она глуховата!

– Ладно! – согласился хозяин, взял большой стакан меду и понес старухе, а та сидела в тележке прямая, как палка.

– Вот, внучек прислал вам стаканчик медку! – сказал хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ни слова и даже не шевельнулась.

– Слышите? – закричал хозяин во все горло. – Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз, а она все не шевелилась; тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась навзничь. Маленький Клаус ведь не привязал ее, а просто прислонил к спинке скамейки.

– Что ты наделал? – завопил Маленький Клаус, выскочил из дверей и схватил хозяина за ворот. – Ты мою бабушку убил! Погляди, какая у нее дыра во лбу!

– Вот беда-то! – заохал хозяин, всплеснув руками. – И все это из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг ты мой, я тебе целую мерку денег дам и бабушку твою похороню, как свою собственную, только молчи об этом, не то мне отрубят голову, а ведь это ужасно неприятно!

И вот Маленький Клаус получил целую мерку денег, а хозяин схоронил его старую бабушку, точно свою собственную.

Маленький Клаус вернулся домой опять с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку.

– Как так? – удивился Большой Клаус. – Разве я не убил его? Надо посмотреть самому!

И он сам понес мерку Маленькому Клаусу.

– Откуда это у тебя такая куча денег? – спросил он и просто глаза вытаращил от удивления.

– Ты убил-то не меня, а мою бабушку, – сказал Маленький Клаус, – и я ее продал за мерку денег!

– С барышом продал! – сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, приехал с ней в город к аптекарю и предложил ему купить мертвое тело.

– Чье оно и где вы его взяли? – спросил аптекарь.

– Это моя бабушка! – ответил Большой Клаус. – Я убил ее, чтобы продать за мерку денег!

– Господи помилуй! – воскликнул аптекарь. – Вы сами не знаете, что говорите! Смотрите, ведь это может стоить вам головы!

И он растолковал Большому Клаусу, что он такое наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в тележку, хлестнул лошадей и помчался домой. Аптекарь и весь народ подумали, что он сумасшедший, и потому не задержали его.

– Поплатишься же ты мне за это, поплатишься, Маленький Клаус! – сказал Большой Клаус, выехав на дорогу, и, как только добрался до дому, взял большущий мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

– Ты опять одурачил меня? Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! Все это по твоей милости! Но уж больше тебе меня не дурачить!

И он схватил Маленького Клауса и засунул в мешок, а мешок завязал, вскинул на спину и крикнул:

– Пойду утоплю тебя!

До реки было не близко, и Большому Клаусу становилось тяжеленько тащить Маленького. Дорога шла мимо церкви; оттуда слышались звуки органа, да и молящиеся красиво пели хором.

Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо было бы зайти в церковь, прослушать псалом, а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог вылезти из мешка сам, а весь народ был в церкви. И вот Большой Клаус зашел в церковь.

– Ох, ох! – вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке, но, как он ни старался, развязать мешок ему не удавалось. В это самое время мимо проходил старый, седой как лунь пастух с большой клюкой в руках; он погонял ею стадо. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

– О-ох! – вздохнул Маленький Клаус. – Такой я молодой еще, а уж должен отправляться в царство небесное!

– А я, несчастный, такой старый, дряхлый и все не могу попасть туда! – сказал пастух.

– Так развяжи мешок, – закричал Маленький Клаус. – Полезай на мое место – живо попадешь туда!

– С удовольствием! – сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил на волю.

– Теперь тебе смотреть за стадом! – сказал старик и влез в мешок.

Маленький Клаус завязал его и погнал стадо дальше.

Немного погодя вышел из церкви Большой Клаус, взвалил мешок на спину, и ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче, – Маленький Клаус весил ведь чуть не вдвое больше против старого пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я прослушал псалом!» – подумал Большой Клаус, дошел до широкой и глубокой реки, бросил туда мешок с пастухом и, полагая, что там сидит Маленький Клаус, закричал:

– Ну вот, вперед не будешь меня дурачить!

После этого он отправился домой, но у самого перепутья встретил… Маленького Клауса с целым стадом!

– Вот тебе раз! – вскричал Большой Клаус. – Разве я не утопил тебя?

– Конечно, утопил! – сказал Маленький Клаус. – Полчаса тому назад ты бросил меня в реку!

– Так откуда же ты взял такое большое стадо? – спросил Большой Клаус.

– А это водяное стадо! – ответил Маленький Клаус. – Я расскажу тебе целую историю. Спасибо тебе, что ты утопил меня, теперь я разбогател, как видишь! А страшно мне было в мешке! Ветер так и засвистел в ушах, когда ты бросил меня в холодную воду! Я сразу пошел ко дну, но не ушибся – там внизу растет такая нежная, мягкая трава, на нее я и упал. Мешок сейчас же развязался, и прелестнейшая девушка в белом как снег платье, с венком из зелени на мокрых волосах, протянула мне руку и сказала: «А, это ты, Маленький Клаус? Ну вот, прежде всего бери это стадо, а в миле отсюда, на дороге, пасется другое, побольше, – ступай, я тебе его дарю».

Тут я увидел, что река была для водяных жителей все равно что дорога: они ездили и ходили по дну от самого озера и до того места, где реке конец. Ах, как там было хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шныряли мимо моих ушей точь-в-точь как у нас здесь птицы! Что за красивые люди попадались мне навстречу и какие чудесные стада паслись у изгородей и канав!

– Почему же ты так скоро вернулся? – спросил Большой Клаус. – Уж меня бы не выманили оттуда, если там так хорошо!

– Я ведь это неспроста сделал! – сказал Маленький Клаус. – Ты слышал, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется на дороге всего в одной версте оттуда? Дорогой она называет реку – другой дороги они ведь там не знают, – а река так

петляет, что мне пришлось бы сделать здоровый круг. Вот я и решился выбраться на сушу да пойти прямиком к тому месту, где ждет меня стадо; так я выиграю почти полмили!

– Экий счастливец! – сказал Большой Клаус. – А как ты думаешь, получу я стадо, если спущусь на дно?

– Конечно! – сказал Маленький Клаус. – Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, ты больно тяжелый. А вот, коли хочешь, дойди сам да влезь в мешок, а я с удовольствием тебя сброшу в воду!

– Спасибо! – сказал Большой Клаус. – Но если я не получу там стада, я тебя изобью, так и знай!

– Ну-ну, не сердись! – сказал Маленький Клаус, и они пошли к реке.

Когда стадо увидело воду, оно так и бросилось к ней: скоту очень хотелось пить.

– Погляди, как они торопятся! – сказал Маленький Клаус. – Ишь, как соскучились по воде: домой, на дно, знать, захотелось!

– Но ты сперва помоги мне, а не то я тебя изобью! – сказал Большой Клаус и влез в большой мешок, который лежал на спине у одного из быков. – Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

– Пойдешь! – сказал Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, крепко завязал мешок и столкнул его в воду. Бултых! И Большой Клаус пошел прямо ко дну.

– Ох, боюсь, не найдет он там ни коров, ни быков! – сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? До этого он никак добраться не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал, – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять. У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а еще сверху двадцать пуховиков. На эту постель и уложили принцессу на ночь. Утром ее спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – сказала принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, – такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто ее не украл. Знай, что история эта истинная!

Цветы маленькой Иды

– Бедные мои цветочки совсем завяли! – сказала маленькая Ида. – Вчера вечером они были такие красивые, а теперь совсем повесили головки! Отчего это? – спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента, – он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезывать презабавные фигурки: сердечки с крошками танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями и окнами, которые можно было открывать. Большой забавник был этот студент!

– Что же с ними? – спросила она опять и показала ему свой завядший букет.

– Знаешь что? – сказал студент. – Цветы были сегодня ночью на балу, вот и повесили теперь головки!

– Да ведь цветы не танцуют! – сказала маленькая Ида.

– Танцуют! – отвечал студент. – По ночам, когда кругом темно и мы все спим, они так весело пляшут друг с другом, такие балы задают – просто чудо!

– А детям нельзя прийти к ним на бал?

– Отчего же, – сказал студент, – ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.

– А где танцуют самые красивые цветы? – спросила Ида.

– Ты ведь бывала за городом, там, где большой дворец, в котором летом живет король и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то и бывают настоящие балы!

– Я еще вчера была там с мамой, – сказала маленькая Ида, – но на деревьях нет больше листьев, и во всем саду ни одного цветка! Куда они все девались? Их столько было летом!

– Они все во дворце! – сказал студент. – Надо тебе сказать, что как только король и придворные переезжают в город, все цветы сейчас же убегают из сада прямо во дворец, и там у них начинается веселье! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон – это король с королевой. Красные петушьи гребешки становятся по обеим сторонам и кланяются – это камер-юнкеры. Потом приходят все остальные прекрасные цветы, и начинается бал. Гиацинты и крокусы изображают маленьких морских кадетов и танцуют с барышнями – голубыми фиалками, а тюльпаны и большие желтые лилии – это пожилые дамы, они наблюдают за танцами и вообще за порядком.

– А цветочкам не может достаться за то, что они танцуют в королевском дворце? – спросила маленькая Ида.

– Да ведь никто же не знает об этом! – сказал студент. – Правда, ночью заглянет иной раз во дворец старик смотритель с большою связкою ключей в руках, но цветы, как только заслышат звяканье ключей, сейчас присмиреют, спрячутся за длинные занавески, которые висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда одним глазом. «Тут что-то пахнет цветами!» – бормочет старик смотритель, а видеть ничего не видит.

– Вот забавно! – сказала маленькая Ида и даже в ладоши захлопала. – И я тоже не могу их увидеть?

– Можешь, – сказал студент. – Стоит только, как опять пойдешь туда, заглянуть в окошки. Вот я сегодня видел там длинную желтую лилию; она лежала и потягивалась на диване – воображала себя придворной дамой.

– А цветы из Ботанического сада тоже могут прийти туда? Ведь это далеко!

– Не бойся, – сказал студент, – они могут летать, когда захотят! Ты видела красивых красных, желтых и белых бабочек, похожих на цветы? Они ведь и были прежде цветами, только прыгнули со своих стебельков высоко в воздух, забили лепестками, точно крылышками, и полетели. Они вели себя хорошо, за то и получили позволение летать и днем; другие должны

сидеть смирно на своих стебельках, а они летают, и лепестки их стали наконец настоящими крылышками. Ты сама видела их! А впрочем, может быть, цветы из Ботанического сада и не бывают в королевском дворце! Может быть, они даже и не знают, что там идет по ночам такое веселье. Вот что я скажу тебе: то-то удивится потом профессор ботаники – ты ведь его знаешь, он живет тут рядом! – когда придешь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце. Тот расскажет об этом остальным, и они все убегут. Профессор придет в сад, а там ни единого цветочка, и он в толк не возьмет, куда они девались!

– Да как же цветок расскажет другим? У цветов нет языка!

– Конечно, нет, – сказал студент, – зато они умеют объясняться знаками! Ты сама видела, как они качаются и шевелят своими зелеными листочками, чуть подует ветерок. Это у них так мило выходит – точно они разговаривают!

– А профессор понимает их знаки? – спросила маленькая Ида.

– Как же! Раз утром он пришел в свой сад и видит, что большая крапива делает листочками знаки прелестной красной гвоздике; этим она хотела сказать гвоздике: «Ты так мила, я очень тебя люблю!» Профессору это не понравилось, и он сейчас же ударил крапиву по листьям – листья у крапивы все равно что пальцы, – да обжегся! С тех пор и не смеет ее трогать.

– Вот забавно! – сказала Ида и засмеялась.

– Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? – сказал скучный советник, который тоже пришел в гости и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезывал затейливые, забавные фигурки, вроде человека на виселице и с сердцем в руках – его повесили за то, что он воровал сердца, – или старой ведьмы на помеле, с мужем на носу. Все это очень не нравилось советнику, и он всегда повторял:

– Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Но Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала об этом целый день.

«Так цветочки повесили головки потому, что устали после бала!» И маленькая Ида пошла к своему столику, где стояли все ее игрушки; ящик столика тоже битком был набит разным добром. Кукла Софи лежала в своей кроватке и спала, но Ида сказала ей:

– Тебе придется встать, Софи, и полежать эту ночь в ящике: бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку, – может быть, они и выздоровеют!

И она вынула куклу из кровати. Софи посмотрела на Иду очень недовольно и не сказала ни слова, – она рассердилась за то, что у нее отняли постель.

Ида уложила цветы, укрыла их хорошенько одеялом и велела им лежать смирно, за это она обещала напоить их чаем, и тогда они встали бы завтра утром совсем здоровыми! Потом она задернула полог, чтобы солнце не светило цветам в глаза.

Рассказ студента не шел у нее из головы, и, собираясь идти спать, Ида не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенные на ночь оконные занавески; на окошках стояли чудесные мамины цветы – тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им:

– Я знаю, что у вас ночью будет бал!

Цветы стояли, как ни в чем не бывало, и даже не шелохнулись, ну да маленькая Ида что знала, то знала.

В постели Ида долго еще думала о том же и все представляла себе, как это должно быть мило, когда цветочки танцуют! «Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» – подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась; она видела сейчас во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что тот набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и папа с мамой крепко спали.

– Хотелось бы мне знать: спят ли мои цветы в постельке? – сказала маленькая Ида про себя и приподнялась с подушки, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой были

ее игрушки и цветы; потом она прислушалась, – ей показалось, что в той комнате играют на фортепьяно, но очень тихо и нежно; такой музыки она никогда еще не слыхала.

– Это, верно, цветы танцуют! – сказала Ида. – Господи, как бы мне хотелось посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить папу с мамой.

– Хоть бы цветы вошли сюда! – сказала она.

Но цветы не входили, а музыка все продолжалась, такая тихая, нежная, просто чудо! Тогда Идочка не выдержала, потихоньку вылезла из кроватки, прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. Что за прелесть была там!

В той комнате не горело ночника, а было все-таки светло, как днем, от месяца, глядевшего из окошка прямо на пол, где в два ряда стояли тюльпаны и гиацинты; на окнах не осталось ни единого цветка – одни горшки с землей. Цветы очень мило танцевали: они то становились в круг, то, взявшись за длинные зеленые листочки, точно за руки, кружились парами. На фортепьяно играла большая желтая лилия – это, наверное, ее маленькая Ида видела летом! Она хорошо помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрекен Лину!» Все посмеялись тогда над ним, но теперь Иде и в самом деле показалось, будто длинная желтая лилия похожа на Лину; она и на рояле играла так же, как Лина: поворачивала свое продолговатое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыке. Никто не заметил Иды.

Вдруг маленькая Ида увидала, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошел к кукольной кроватке и отдернул полог; там лежали больные цветы, но они живо поднялись и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотят танцевать. Старый Курилка со сломанной нижней губой встал и поклонился прекрасным цветам; они совсем не были похожи на больных – спрыгнули со стола и принялись веселиться вместе со всеми.

В эту минуту что-то стукнуло, как будто что-то упало на пол. Ида посмотрела в ту сторону – это была масленичная верба: она тоже спрыгнула со стола к цветам, считая, что она им сродни. Верба тоже была мила; ее украшали бумажные цветы, а на верхушке сидела восковая куколка в широкополой черной шляпе, точь-в-точь такой, как у советника. Верба прыгала посреди цветов и громко топала своими тремя красными деревянными ходульками, – она танцевала мазурку, а другим цветам этот танец не удавался, потому что они были слишком легки и не могли топать.

Но вот восковая кукла на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

– Ну можно ли набивать ребенку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Теперь кукла была точь-в-точь советник, в черной широкополой шляпе, такая же желтая и сердитая! Но бумажные цветы ударили ее по тонким ножкам, и она опять съежилась в маленькую восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось плясать вместе с нею, все равно – вытягивался ли он во всю длину, или оставался маленькою восковою куколкой в черной широкополой шляпе. Наконец уж цветы, особенно те, что лежали в кукольной кровати, стали просить за него, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике, где лежала кукла Софи и другие игрушки. Курилка побежал по краю стола, лег на живот и приотворил ящик. Софи встала и удивленно огляделась.

– Да у вас, оказывается, бал! – проговорила она. – Что же это мне не сказали?

– Хочешь танцевать со мной? – спросил Курилка.

– Хорош кавалер! – сказала Софи и повернулась к нему спиной; потом уселась на ящик и стала ждать – авось ее пригласит кто-нибудь из цветов, но никто и не думал ее приглашать. Она громко кашлянула, но и тут никто не подошел к ней. Курилка плясал один, и очень недурно!

Видя, что цветы и не глядят на нее, Софи вдруг свалилась с ящика на пол и наделала такого шума, что все сбежались к ней и стали спрашивать, не ушиблась ли она? Все разгова-

ривали с нею очень ласково, особенно те цветы, которые только что спали в ее кроватке; Софи нисколько не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить ее за чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и принялись танцевать с ней, а другие цветы кружились вокруг них. Теперь Софи была очень довольна и сказала цветочкам, что охотно уступает им свою кроватку, – ей хорошо и в ящике!

– Спасибо! – сказали цветы. – Но мы не можем жить так долго! Утром мы совсем умрем! Скажи только маленькой Иде, чтобы она схоронила нас в саду, где зарыта канарейка; летом мы опять вырастем и будем еще красивее!

– Нет, вы не должны умирать! – сказала Софи и поцеловала цветы. В это время дверь отворилась, и в комнату вошла целая толпа цветов. Ида никак не могла понять, откуда они взялись, – должно быть, из королевского дворца. Впереди шли две прелестные розы с маленькими золотыми коронами на головах – это были король с королевой. За ними, раскланиваясь во все стороны, шли чудесные левкои и гвоздики. Музыканты – крупные маки и пионы – дули в шелуху от горошка и совсем покраснели от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них были надеты бубенчики. Вот была забавная музыка! Затем шла целая толпа других цветов, и все они танцевали – и голубые фиалки, и красные ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цветы так мило танцевали и целовались, что просто загляденье!

Наконец все пожелали друг другу спокойной ночи, а маленькая Ида тихонько пробралась в свою кроватку, и ей всю ночь снились цветы и все, что она видела.

Утром она встала и побежала к своему столику посмотреть, там ли ее цветочки. Она отдернула полог – да, они лежали в кроватке, но совсем, совсем завяли! Софи тоже лежала на своем месте в ящике и выглядела совсем сонной.

– А ты помнишь, что тебе надо передать мне? – спросила ее Ида.

Но Софи глупо смотрела на нее и не раскрывала рта.

– Какая же ты нехорошая! – сказала Ида. – А они еще танцевали с тобой!

Потом она взяла картонную коробочку с нарисованною на крышке хорошенькою птичкой, открыла коробочку и положила туда мертвые цветы.

– Вот вам и гробик! – сказала она. – А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы на будущее лето вы выросли еще красивее!

Йонас и Адольф, норвежские кузены, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные умершие цветы и позволила помочь их похоронить. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с мертвыми цветами в коробке. Вырыли в саду могилу, Ида поцеловала цветы и опустила коробку в яму, а Йонас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков, – ни ружей, ни пушек у них ведь не было.

Дюймовочка

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребенка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

– Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

– Отчего же! – сказала колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок – увидишь, что будет!

– Спасибо! – сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой славный цветок! – сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

Что-то щелкнуло, и цветок распустился совсем. Это был точьв-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, ее и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькою, голубые фиалки – матрацем, а лепесток розы – одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоска никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

– Вот и жена моему сынку! – сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

– Тише ты! Она еще проснется, пожалуй, да убежит от нас, – сказала старуха жаба. – Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посредине реки на широкий лист кувшинки – это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберем там, внизу, наше гнездышко. Вам ведь в нем жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был всего дальше от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилье тростником и желтыми кувшинками – надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего ее хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

– Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинешенька на зеленом листе и горько-горько плакала, – ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше… Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

– Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг нее и наконец уселся на листок – уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг все было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидал девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а зеленый листок поплыл дальше, и с ним мотылек – он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылечка, которого она привязала к листку: ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеленый лист, покормил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

– У нее только две ножки! Жалко смотреть!

– У нее нет усиков!

– Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! – сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашел, что она безобразна, и не захотел больше держать ее у себя – пусть идет куда знает. Он слетел с нею с дерева и посадил на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист – там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной холодной зиме. Все певуньи птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мерзла от холода: платьице ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная – замерзай, да и все тут! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зернами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна – она два дня ничего не ела!

– Ах ты, бедняжка! – сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. – Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

– Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки – я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

– Скоро, пожалуй, у нас будут гости, – сказала как-то полевая мышь. – Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет еще куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа – ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубку, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно – он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в нее влюбился. Но он не сказал ни слова – он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку – в темноте это ведь все равно что свечка, – и пошел вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробрался дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

– Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет что чирикать – поневоле замерзнешь зимой!

– Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, – сказала полевая мышь. – Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но, когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. «Может быть, это та самая, что так чудесно распевала летом! – подумала девочка. – Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинок большой славный ковер, снесла его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

– Прощай, миленькая птичка, – сказала Дюймовочка. – Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась – внутри что-то застучало. Это забилось сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга – птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, – но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках – другого фонаря у нее не было.

– Благодарю тебя, милая крошка! – сказала больная ласточка. – Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

– Ах, – сказала девочка, – теперь так холодно, идет снег! Останься лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края, как упала на землю и… Да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда – не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом – они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, – пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь – она ведь знала, что старуха очень огорчится.

– Нет, нельзя! – сказала девочка ласточке.

– Прощай, прощай, милая добрая крошка! – сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глазах, – уж очень полюбилась ей бедная птичка.

– Кви-вить, кви-вить! – прощебетала птичка и скрылась в зеленом лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

– Летом тебе придется готовить себе приданое! – сказала ей полевая мышь.

Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

– Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и все только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, – а то она совсем уж как камень стала, – и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» – думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно; должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

– Через месяц твоя свадьба! – сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

– Пустяки! – сказала старуха мышь. – Только не капризничай, а то я укушу тебя – видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодари Бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнце, – крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распроститься с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

– Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

– Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь ее!

– Кви-вить, кви-вить! – вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет солнышко.

– Скоро придет холодная зима, – сказала ласточка, – и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину – только привяжи себя покрепче поясом, – и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

– Да, да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, небо стояло выше, а около канав и изгородей рос зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу красивого голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

– Вот мой дом! – сказала ласточка. – А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживешь!

– Вот было бы хорошо! – сказала крошка и захлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора – это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живет эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

– Ах, как он хорош! – шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки.

Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, – он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это муж так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы – мальчики и девочки, – такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

– Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! – сказал эльф. – Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

– Прощай, прощай! – прощебетала ласточка и опять полетела из теплых краев далеко, далеко – в Данию. Там у нее было маленькое гнездо, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела свое «кви-вить, кви-вить», а потом и мы узнали эту историю.

Скверный мальчишка

Жил-был старый поэт, настоящий хороший поэт и очень добрый. Раз вечером сидел он дома, а на дворе разыгралась непогода. Дождь лил как из ведра, но старому поэту было так уютно и тепло возле кафельной печки, где ярко горел огонь и, весело шипя, пеклись яблоки.

– Плохо попасть в такую непогоду – нитки сухой не останется! – сказал он.

Он был очень добрый.

– Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! – закричал вдруг за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и бился в окна.

– Бедняжка! – сказал старый поэт и пошел отворять двери.

За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенький. С его длинных золотистых волос стекала вода, он дрожал от холода; если бы его не впустили, он бы, наверное, погиб.

– Бедняжка! – сказал старый поэт и взял его за руку. – Пойдем ко мне, я обогрею тебя, дам тебе винца и яблоко; ты такой хорошенький мальчуган!

Он и в самом деле был прехорошенький. Глаза у него сияли, как две ярких звезды, а мокрые золотистые волосы вились кудрями – ну, совсем ангелочек! – хоть он весь и посинел от холода и дрожал как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; беда только – он весь испортился от дождя, краска на длинных стрелах слиняла.

Старый поэт уселся поближе к печке, взял малютку на колени, выжал его мокрые кудри, согрел ручонки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина. Мальчик повеселел, щеки у него зарумянились, он спрыгнул на пол и стал плясать вокруг старого поэта.

– Ишь, какой ты веселый мальчуган! – сказал старик поэт. – А как тебя зовут?

– Амур! – отвечал мальчик. – Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой. Я умею стрелять! Посмотри, погода разгулялась, месяц светит.

– А лук-то твой испортился! – сказал старый поэт.

– Вот было бы горе! – сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. – Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута как следует! Сейчас я его испробую.

И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику поэту прямо в сердце!

– Вот видишь, мой лук совсем не испорчен! – закричал он, громко засмеялся и убежал.

Скверный мальчишка! Выстрелил в старика поэта, который пустил его обогреться, приласкал, напоил вином и дал самое лучшее яблоко!

Добрый старик лежал на полу и плакал: он был ранен в самое сердце. Потом он сказал:

– Фу, какой скверный мальчишка этот Амур! Я расскажу о нем всем хорошим детям, чтобы они береглись, не связывались с ним, – он и их обидит.

И все хорошие дети – и мальчики и девочки – стали остерегаться этого Амура, но он все-таки умеет иногда обмануть их; такой плут!

Идут студенты с лекций, и он рядом: книжка под мышкой, в черном сюртуке, и не узнаешь его! Они думают, что он тоже студент, возьмут его под руку, а он и пустит им стрелу прямо в грудь.

Или вот идут девушки от священника или в церковь – он тоже тут как тут; вечно гоняется за людьми! А то заберется иногда в большую люстру в театре и горит там ярким пламенем; люди-то думают сначала, что это лампа, и уж потом только разберут, в чем дело. Бегает он и по королевскому саду, и по крепостной стене. А раз так он ранил в сердце твоих родителей! Спроси-ка у них, они тебе расскажут. Да, скверный мальчишка этот Амур, ты лучше не связывайся с ним! Он только и делает, что бегает за людьми. Подумай, раз он пустил стрелу даже в твою старую бабушку! Было это давно, давно прошло и быльем поросло, а все-таки не забы-

лось, да и не забудется никогда! Фу! Злой Амур! Но теперь ты знаешь про него, знаешь, какой это скверный мальчишка!

Русалочка

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная, как чистое стекло, – но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, только тогда бы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды.

Между ветвями шныряют рыбы большие и маленькие – точь-в-точь как у нас птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются смотря по тому, прилив или отлив; это очень красиво: ведь в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить всего-навсего шесть. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, особенно потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шестеро принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но и у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росли огненно-красные и темно-голубые деревья с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы – как огоньки. Земля была усыпана мелким голубоватым, как серное пламя, песком, и потому там на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск – можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы был в саду свой уголок; тут они могли копать и сажать что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая…

Другие сестры украшали свой садик разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая пышно разрослась; ветви ее обвивали статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, – вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, – не то что тут, в море! – что леса там зеленые, а рыбы, которые живут в ветвях, звонко поют. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь сроду не видывали птиц.

– Когда вам исполнится пятнадцать лет, – говорила бабушка, – вам тоже разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам – а они были погодки – приходилось еще ждать, и дольше всех – самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, – рассказов бабушки им было мало, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она могла разглядеть сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое темное облако, и русалочка знала, что это или проплывал кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше же всего, по ее словам, было лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни звезд, горели огни, слышались музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть, куда она захочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака… да тут у нее уж и слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро неслись по небу, но еще быстрее их неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидала зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные густыми рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела целую толпу голеньких ребятишек, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно принялся на нее тявкать, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть у них и нет рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни глянь, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинувшееся, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день рождения был зимой, и поэтому она увидала то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали боль-

шие ледяные горы – ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развевал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загремел гром и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молний, прорезав небо, падали в море.

Вообще каждая из сестер была в восторге от того, что видела в первый раз, – все было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему и через месяц стали говорить, что везде хорошо, а дома, на дне, лучше.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность; у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что корабль обречен на гибель, они подплывали к нему и нежными голосами пели о чудесах подводного царства и уговаривали моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумит буря; да им все равно и не удалось бы увидать на дне никаких чудес – если корабль погибал, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, в то время как сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не умеют плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

– Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? – говорила она. – Я знаю, что очень полюблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала бабушка, вдовствующая королева. – Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, – каждый лепесток был половинкой жемчужины – потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала прицепиться к ее хвосту восьми устрицам.

– Да это больно! – сказала русалочка.

– Ради красоты и потерпеть не грех! – сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венок, – красные цветы из ее садика шли ей куда больше, – но она не посмела!

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, точно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались ясные вечерние звезды; воздух был мягок и свеж, а море – как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, – не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и когда волны слегка приподымали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звезды с небес попадали к ней в море. Никогда еще не видела

она такой огненной потехи: большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц!

Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать скорость, паруса развертывались один за другим, ветер крепчал, заходили волны, облака сгустились, и гдето вдали засверкала молния. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, а ветер так и мчал его по бушующим волнам; вокруг корабля вставали высокие волны, словно черные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на хребет волн. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски разлетались в щепки, волны перекатывались через палубу; вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль перевернулся набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела на корабле людей; каждый спасался, как умел. Русалочка отыскала глазами принца и, когда корабль разбился на части, увидела, что он погрузился в воду. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они во всякую минуту могут ее раздавить. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами; но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а повыше стояло какое-то здание, вроде церкви или монастыря. В роще росли апельсинные и лимонные деревья, а у ворот здания – высокие пальмы. Море врезывалось в белый песчаный берег небольшим заливом; там вода была очень тиха, но глубока; сюда-то, к утесу, возле которого море намыло мелкий белый песок, и приплыла русалочка и положила принца, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом доме зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за высокие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морскою пеной – теперь никто не различил бы в этой пене ее лица – и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но скоро собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела,

что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли как хотели, по тропинкам и на дорожках, переплелись своими стеблями и листьями с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок, ну, а те никому не сказали, разве уж самым близким подругам. Одна из них тоже знала принца, видела праздник на корабле и даже знала, где находится королевство принца.

– Поплыли вместе, сестрица! – сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она; она же заплывала и в узкий канал, который проходил как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами, – русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь машет крыльями.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его полумертвого носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а их земля с лесами и полями тянулась далеко-далеко, ее и глазом не охватить! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

– Если люди не тонут, – спрашивала русалочка, – тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

– Ну что ты! – отвечала старуха. – Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда не воскресаем; мы – как тростник: вырвешь его с корнем, и он не зазеленеет вновь!

У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звездам! Как мы можем подняться со дна морского и увидать землю, где живут люди, так и они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видать никогда!

– А почему у нас нет бессмертной души? – грустно спросила русалочка. – Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо.

– Вздор! Нечего и думать об этом! – сказала старуха. – Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

– Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели же я никак не могу обрести бессмертную душу?

– Можешь, – сказала бабушка, – пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки – ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить – не тужить! – сказала старуха. – Повеселимся вволю свои триста лет – срок немалый, тем слаще будет отдых после смерти! Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены – и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи и больших и маленьких рыб и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких звучных, нежных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла – только бы мне быть с ним и обрести бессмертную душу! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава – кругом только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину всё, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и

кустов в нем росли полипы, полуживотные – полурастения, похожие на стоголовых змей, росших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими суставами, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забилось от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки, и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся руки. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе – тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и растянулись на песке.

– Ну ладно, ты пришла в самое время! – продолжала ведьма. – Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную, скользящую походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по острым ножам, так что изранишь свои ножки в кровь. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

– Да! – сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

– Помни, – сказала ведьма, – что раз ты примешь человеческий облик, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет для тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

– Пусть! – сказала русалочка и побледнела как смерть.

– А еще ты должна мне заплатить за помощь, – сказала ведьма. – И я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

– Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? – спросила русалочка.

– Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза – этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, я и отрежу его в уплату за волшебный напиток!

– Хорошо! – сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтерла котел связкой живых ужей. Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачнейшей ключевой водой!

– Бери! – сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язычок, и русалочка стала немая – не могла больше ни петь, ни говорить!

– Если полипы схватят тебя, когда ты поплывешь назад, – сказала ведьма, – брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого делать – полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда, – ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидала перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял красавец принц и смотрел на нее своими черными, как ночь, глазами; она потупилась и увидала, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее две ножки, беленькие и маленькие, как у ребенка. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, как пузырек воздуха; принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользящей походке.

Русалочку разодели в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!»

Потом рабыни стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, он назвал русалочку своим маленьким найденышем, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви касались ее плеч; они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели

это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетавших в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, ставила свои пылавшие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидала в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не подымалась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она не могла ведь обрести бессмертной души и должна была, в случае его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» – казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

– Да, я люблю тебя! – говорил принц. – У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! – думала русалочка. – Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! – И русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. – Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плаванье. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась – она ведь лучше всех знала мысли принца.

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и бессмертной души.

– Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? – говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубинах, и о том, что видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, – она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны; и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха

бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, а на площадях стали строиться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было, – она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

– Это ты! – сказал принц. – Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою краснеющую невесту.

– Ах, я так счастлив! – сказал он русалочке. – То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в морскую пену!

Колокола в церквах звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. В алтарях в драгоценных сосудах курились благовония. Священники кадили ладаном, жених и невеста подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка, разодетая в шелк и золото, держала шлейф невесты, но уши ее не слышали праздничной музыки, глаза не видели блестящей церемонии, она думала о своем смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут роскошный шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре новобрачные должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще она не танцевала так чудесно! Ее нежные ножки резало, как ножами, но она не чувствовала этой боли – сердцу ее было еще больнее. Она знала, что лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Ей ведь не было дано бессмертной души! Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала с смертельной мукой в сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее

сестры; они были бледны, как и она, но их длинные, роскошные волосы не развевались больше по ветру – они были обрезаны.

– Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож – видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую морскую пену. Но спеши! Или он, или ты – один из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что потеряла от горя все свои седые волосы, а нам остригла волосы своими ножницами ведьма! Убей принца и вернись к нам! Поспеши, видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены – она одна была у него в мыслях! – и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута – и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти: она видела ясное солнце и каких-то прозрачных, чудных созданий, сотнями реявших над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка увидала, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

– К кому я иду? – спросила она, поднимаясь в воздух, и ее голос звучал такою же дивною музыкой, какой не в силах передать никакие земные звуки.

– К дочерям воздуха! – ответили ей воздушные создания. – У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она может, только если ее полюбит человек. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить ее добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду. Пройдет триста лет, во время которых мы будем посильно творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу и сможем изведать вечное блаженство, доступное людям. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь добрыми делами заслужить себе бессмертную душу и обрести ее через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидала, как принц с женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

– Через триста лет мы войдем в Божье царство!

– Может быть, и раньше! – прошептала одна из дочерей воздуха. – Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, радующее своих родителей и достойное их любви, мы улыбаемся.

Ребенок не видит нас, когда мы летаем по комнате, и если мы радуемся, глядя на него, наш трехсотлетний срок сокращается на год. Но если мы увидим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания лишний день!

Новое платье короля

Много лет назад жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на новые платья все свои деньги, и парады, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице этого короля жилось очень весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явилось двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличается еще удивительным свойством – становиться невидимой для всякого человека, который не на своем месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! – подумал король. – Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и чистейшего золота, все это припрятывали в карманы и просиживали за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» – думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но… все-таки лучше сначала пошел бы кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или непригодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра, – подумал король. – Уж он-то рассмотрит ткань: он умен и с честью занимает свое место».

И вот старик министр вошел в залу, где за пустыми станками сидели обманщики.

«Господи помилуй! – подумал министр, тараща глаза. – Да ведь я ничего не вижу!» Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни таращил глаза, все-таки ничего не видел. Да и видеть было нечего.

«Ах ты, Господи! – думал он. – Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси Господь, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

– Что ж вы ничего не скажете нам? – спросил один из ткачей.

– О, это премило! – ответил старик министр, глядя сквозь очки. – Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

– Рады стараться! – сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше денег, шелку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной нитки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достойного сановника. Он должен был посмотреть, как идет дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же самое, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, а все равно ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

– Ну, как вам нравится? – спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, – думал сановник. – Значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь красивым рисунком и сочетанием красок.

– Премило, премило! – доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани. Наконец и сам король пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

– Magnifique![32] Не правда ли? – вскричали уже побывавшие здесь сановники. – Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок… а краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Что за ерунда! – подумал король. – Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

– О да, очень, очень мило! – сказал наконец король. – Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, – он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» – и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

– Magnifique! Чудесно! Excellent![33] – только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей, – всем было ясно, что они очень старались кончить к сроку новое платье короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иголками без ниток. Наконец они объявили:

– Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

– Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

– Да, да! – говорили придворные, но они ничего не видали – нечего ведь было и видеть.

– А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! – сказали королю обманщики. – Мы оденем вас!

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то в плечах и на талии, – это они надевали на него королевскую мантию! А король поворачивался перед зеркалом во все стороны.

---

[32] Чудесно! (*фр.*)

[33] Превосходно! (*фр.*)

– Боже, как идет! Как чудно сидит! – шептали в свите. – Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

– Балдахин ждет! – доложил обер-церемониймейстер.

– Я готов! – сказал король. – Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с пола, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки, – они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а люди, собравшиеся на улицах, говорили:

– Ах, какое красивое это новое платье короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своем месте. Ни одно платье короля не вызывало еще таких восторгов.

– Да ведь он голый! – закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

– Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! – сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

– Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он совсем не одет! – закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

Ромашка

Вот послушайте-ка!

За городом, у самой дороги, стояла дача. Вы, верно, видели ее? Перед ней еще небольшой садик, обнесенный крашеною деревянною решеткой.

Неподалеку от дачи, у самой канавы, росла в мягкой зеленой траве ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали ее наравне с роскошными цветами, которые цвели в саду перед дачей, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро она распустилась совсем – желтое, круглое, как солнышко, сердечко ее было окружено сиянием ослепительно белых мелких лучей-лепестков. Ромашку ничуть не заботило, что она такой бедненький, простенький цветочек, которого никто не видит и не замечает в густой траве; нет, она была довольна всем, жадно тянулась к солнцу, любовалась им и слушала, как поет где-то высоко-высоко в небе жаворонок.

Ромашка была так весела и счастлива, точно сегодня было воскресенье, а на самом-то деле был всего только понедельник; все дети смирно сидели на школьных скамейках и учились у своих наставников; наша ромашка тоже смирно сидела на своем стебельке и училась у ясного солнышка и у всей окружающей природы, училась познавать благость божью. Ромашка слушала пение жаворонка, и ей казалось, что в его громких, звучных песнях звучит как раз то, что таится у нее на сердце; поэтому ромашка смотрела на счастливую порхающую певунью птичку с каким-то особым почтением, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не может ни летать, ни петь. «Я ведь вижу и слышу все! – думала она. – Солнышко меня ласкает, ветерок целует! Как я счастлива!»

В садике цвело множество пышных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы так и раздували щеки – им все хотелось стать побольше роз; да разве в величине дело? Пестрее, наряднее тюльпанов никого не было, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Никто из гордых цветов не замечал маленькой ромашки, росшей где-то у канавы. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная певунья птичка! Слава богу, что я расту так близко – увижу все, налюбуюсь вдоволь!» Вдруг раздалось «квир-квир-вит!», и жаворонок спустился… не в сад к пионам и тюльпанам, а прямехонько в траву, к скромной ромашке! Ромашка совсем растерялась от радости и просто не знала, что ей думать, как быть!

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая славная мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платьице, с золотым сердечком!»

Желтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золотое, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала ее, спела ей песенку и опять взвилась к синему небу. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась от такого счастья. Радостно-застенчиво глянула она на пышные цветы – они ведь видели, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оценить его, как не им! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснели с досады, а пионы прямо готовы были лопнуть! Хорошо, что они не умели говорить – досталось бы от них ромашке! Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и очень огорчилась.

В это время в садике показалась девушка с острым блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка так и ахнула. «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла в густой траве, где ее никто не видел и не замечал. Солнце село, она свернула лепестки и заснула, но и во сне все видела милую птичку и красное солнышко.

Утром цветок опять расправил лепестки и протянул их, как дитя ручонки, к светлому солнышку. В ту же минуту послышался голос жаворонка; птичка пела, но как грустно! Бедняжка попалась в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о просторе неба, о свежей зелени полей, о том, как хорошо и привольно было летать на свободе! Тяжело-тяжело было у бедной птички на сердце – она была в плену!

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но чем? И ромашка забыла и думать о том, как хорошо было вокруг, как славно грело солнышко, как блестели ее серебряные лепестки; ее мучила мысль, что она ничем не могла помочь бедной птичке.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

– Вот здесь можно вырезать славный кусок дерна для нашего жаворонка! – сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож в землю, начал вырезать четырехугольный кусок дерна; ромашка очутилась как раз в середине его.

– Давай вырвем цветок! – сказал другой мальчик, и ромашка затрепетала от страха: если ее сорвут, она умрет, а ей так хотелось жить! Теперь она могла ведь попасть к бедному пленнику!

– Нет, пусть лучше останется! – сказал первый из мальчиков. – Так красивее!

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. А бедная ромашка не умела говорить и не могла утешить его ни словечком. А уж как ей хотелось! Так прошло все утро.

– Тут нет воды! – жаловался жаворонок. – Они забыли дать мне напиться, ушли и не оставили мне ни глоточка воды! У меня совсем пересохло в горлышке! Я весь горю, и меня знобит! Здесь такая духота! Ах, я умру, не видать мне больше ни красного солнышка, ни свежей зелени, ни всего божьего мира!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил клюв в свежий, прохладный дерн, увидал ромашку, кивнул ей головой, поцеловал и сказал:

– И ты завянешь здесь, бедный цветок! Тебя да этот клочок зеленого дерна – вот что они дали мне взамен всего мира! Каждая травинка должна быть для меня теперь зеленым деревом, каждый твой лепесток – благоухающим цветком. Увы! Ты только напоминаешь мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» – думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочком и только все сильнее и сильнее благоухала. Жаворонок заметил это и не тронул цветка, хотя повыщипал от жажды всю траву.

Вот и вечер пришел, а никто так и не принес бедной птичке воды. Тогда она распустила свои коротенькие крылышки, судорожно затрепетала ими и еще несколько раз жалобно пропищала:

– Пить! Пить!

Потом головка ее склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка также не могла больше свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она была совсем больна и стояла, грустно повесив головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мертвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю украсили ее цветами, а самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку – его хотели похоронить по-царски! Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней, оставили ее умирать в клетке от жажды, а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ее могилкой горькие слезы!

Дерн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая все-таки больше всех любила бедную птичку и всем сердцем желала ее утешить.

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери – старой оловянной ложке; ружье на плече, голова прямо, красный с синим мундир – ну, прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатики!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. И он сейчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатики были совершенно одинаковы, кроме одного, который был с одной ногой. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но он стоял на своей одной ноге так же твердо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатики, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза чудесный дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Все это было чудо как мило, но милее всего была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она тоже была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка величиною с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножке, вытянув руки, – она была танцовщицей, – а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик ее и не увидел, и подумал, что красавица тоже одноногая, как он.

«Вот бы мне такую жену! – подумал он. – Только она, как видно, из знатных, живет во дворце, а у меня только и есть, что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук, ей там не место! Но познакомиться все же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая все стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть в гости, в войну и в бал. Оловянные солдатики принялись стучать в стенки коробки – они тоже хотели играть, да не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске; поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да еще стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик: она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперед, он бодро стоял под ружьем и не сводил с нее глаз.

Пробило двенадцать. Щелк! – табакерка раскрылась.

Там не было табаку, а сидел маленький черный тролль; табакерка-то была с фокусом!

– Оловянный солдатик, – сказал тролль, – нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слыхал.

– Ну постой же! – сказал тролль.

Утром дети встали и оловянного солдатика поставили на окно.

Вдруг – по милости ли тролля или от сквозняка – окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа, – только в ушах засвистело! Минута – и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружье застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но, сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами и все-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» – они, конечно, сейчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице: он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец хлынул ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

– Гляди! – сказал один. – Вон оловянный солдатик! Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канаву. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Ну и ну! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло, – не мудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны, так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружье на плече, голова прямо, грудь вперед!

Лодку понесло под длинные мостки: стало так темно, точно солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несет? – думал он. – Да, это все штуки гадкого тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица – по мне, будь хоть вдвое темнее!»

В эту минуту из-под мостков выскочила большая крыса.

– Паспорт есть? – спросила она. – Давай паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и еще крепче сжимал ружье. Лодку несло, а крыса плыла за ней вдогонку. У! Как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

– Держи, держи его! Он не внес пошлины, не показал паспорта!

Но течение несло лодку все быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика вода из канавки устремлялась в большой канал! Это было для солдатика так же страшно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Но солдатика несло все дальше, остановиться было нельзя. Лодка с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался по-прежнему стойко и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась… Раз, два – наполнилась водой до краев и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше больше… вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему ее больше. В ушах у него звучало:

Вперед стремись, о воин,
И смерть спокойно встреть!

Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошел было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба.

Какая темнота! Хуже, чем под мостками, да еще страх как тесно! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал, вытянувшись во всю длину, крепко прижимая к себе ружье.

Рыба металась туда и сюда, выделывала самые удивительные скачки, но вдруг замерла, точно в нее ударила молния. Блеснул свет, и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Дело в том, что рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом. Кухарка взяла оловянного солдатика двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и – чего-чего не бывает на свете! – он оказался в той же самой комнате, увидал тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей! Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на нее, она на него, но они не обмолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверное, это все тролль подстроил! Оловянный солдатик стоял охваченный пламенем: ему было ужасно жарко, от огня или от любви – он и сам не знал. Краски с него совсем слезли, он весь полинял; кто знает отчего – от дороги или от горя? Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но все еще держался стойко, с ружьем на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сильфида,

порхнула прямо в печку к оловянному солдатику, вспыхнула разом и – конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выгребала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела, как уголь.

Дикие лебеди

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть – все равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печеных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

– Летите-ка подобру-поздорову на все четыре стороны! – сказала злая королева. – Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, – они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, темный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжечка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зеленым листочком – других игрушек у нее не было; она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же теплые лучи солнца скользили по ее щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» – розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая Псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» – книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и Псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и ее отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы ее в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

– Сядь Элизе на голову, когда она войдет в купальню; пусть она станет такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! – сказала она другой. – Пусть Элиза будет такой же безобразной, как ты, и отец не узнает ее! Ты же ляг ей на сердце! – шепнула королева третьей жабе. – Пусть она станет злонравной и мучается от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела ее и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на

темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на нее.

Увидав это, злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец ее испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдет.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой теплый, в траве мелькали, точно зеленые огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелями на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нулики, как бывало прежде, – нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, – они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густою листвой деревьев, но отдельные лучи его пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шел чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьев, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружен живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде свое лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было черное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потерла глаза и лоб, и опять заблестела ее белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что Бог не покинет ее: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшегося ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее; во мху не светилось ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись и на нее глянул добрыми очами сам Господь Бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

– Нет, – сказала старушка, – но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они все же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всем его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, – вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни – тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях еще блестели капли – росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озер. Если на небо надвигалась большая черная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» – начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, – море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зеленым, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно легкое волнение, – вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидала вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой. Элиза взобралась на верх обрыва и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и ее братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

– Мы, братья, – сказал самый старший, – летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твердую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полета под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живем же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через все море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утес, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижав-

шись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим Бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины – и теперь-то для этого перелета нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живет наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чудную, но не родную нам страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

– Как бы мне освободить вас от чар? – спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоем, к вечеру же прилетели и остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

– Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! – сказал младший брат. – Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки довольно сильны, чтобы пронести тебя через лес, – неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

– Да, возьмите меня с собой! – сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в нее положили Элизу; превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей еще крепким сном сестрицей к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над ее головой, защищая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, – она догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, показался им плавающею на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако – настоящая гора! – и на нем Элиза увидала движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина! Таких ей еще не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушные тени мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но все-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, – одинокого морского утеса все еще не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдет солнце, они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться Богу, но утес все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с неимоверною быстротой, и девушка подумала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидала под собой утес, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звездочкой; но вот лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утесе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождем брызг; небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как плыла по темно-зеленой воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидала перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с массами блестящего льда на скалах; между скалами возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колеса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок фата-морганы; туда они не смели принести ни единой человеческой души. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины! Но вот наконец показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки. Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелеными коврами, – так обросла она нежно-зелеными ползучими растениями.

– Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! – сказал младший из братьев и указал сестре ее спальню.

– Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! – сказала она, и эта мысль так и не выходила у нее из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку фата-морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

– Твоих братьев можно спасти, – сказала она. – Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и все-таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетешь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!

И фея коснулась ее руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленое волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на ее руки, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его падали ей на руки, и там, куда упадала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шел ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе, – никогда еще не встречал он такой красавицы!

– Как ты попала сюда, прелестное дитя? – спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от ее молчания зависела жизнь и спасение ее братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидал, как она страдает.

– Пойдем со мной! – сказал он. – Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце! – И он посадил ее на седло перед собой; Элиза плакала и ломала себе руки, но король сказал: – Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повез ее через горы, а охотники скакали следом. К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквами и куполами, и король привел Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были изукрашены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожженные пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нашептывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустною и печальною. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле ее спальни. Комнатка вся была увешана зелеными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь; все это, как диковинку, захватил с собой из леса один из охотников.

– Вот тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! – сказал король. – Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую ее сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал ее к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для нее телесная боль, если сердце ее изнывало от тоски и жалости к милым братьям! Губы ее по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них – она знала, что от ее молчания зависит жизнь братьев, – зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы только порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но – увы! – она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нее вышло все волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать ее сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающею мое сердце! – думала Элиза. – Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы-ламии; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и таращили на нее свои злые глаза, но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее – архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву; итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришел к нему в исповедальню, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против нее, неодобрительно качая головами. Две крупные слезы покатились по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаенной комнатке.

Чело короля становилось все мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слезы, блестевшие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, желали быть на месте королевы! Но скоро-скоро конец ее работе; недоставало всего одной рубашки, и тут у Элизы опять не хватило волокна. Еще раз, в последний раз, нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и о страшных ведьмах; но решимость ее спасти братьев была непоколебима, как и вера в Бога.

Элиза отправилась, но король с архиепископом следили за ней и увидали, как она скрылась за кладбищенскою оградой; подойдя поближе, они увидели сидевших на могильных пли-

тах ведьм, и король повернул назад: между этими ведьмами находилась ведь и та, чья голова только что покоилась на его груди!

– Пусть судит ее народ! – сказал он.

И народ присудил – сжечь королеву на костре. Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное, сырое подземелье с железными решетками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Вместо бархата и шелка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетенные ею жесткие рубашки-панцири – постелью и коврами; но дороже всего этого ей ничего и не могли дать, и она с молитвой на устах вновь принялась за свою работу. С улицы доносились до Элизы оскорбительные песни насмехавшихся над нею уличных мальчишек; ни одна живая душа не обратилась к ней со словом утешения и сочувствия.

Вечером у решетки раздался шум лебединых крыл – это отыскал сестру самый младший из братьев, и она громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь; зато работа ее подходила к концу, и братья были тут!

Архиепископ пришел провести с нею ее последние часы, – так обещал он королю, – но она покачала головой и взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все ее страдания, и слезы, и бессонные ночи! Архиепископ ушел, понося ее бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал ее своею веселою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя: король еще спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было – над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей. Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на нее накинули плащ из грубой мешковины; ее чудные длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

– Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у нее в руках – нет, все возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг нее, собираясь вырвать из ее рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

– Это знамение небесное! Она невинна, – шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и… перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо нее было лебединое крыло: Элиза не успела докончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

– Теперь я могу говорить! – сказала она. – Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев – так подействовали на нее неустанное напряжение сил, страх и боль.

– Да, она невинна! – сказал самый старший брат и рассказал все, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз – это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал еще ни один король!

Райский сад

Жил-был принц; ни у кого не было столько хороших книг, как у него; он мог прочесть в них обо всем на свете, обо всех странах и народах, и все было изображено в них на чудесных картинках. Об одном только не было сказано ни слова: о том, где находится Райский сад, а вот это-то как раз больше всего и интересовало принца.

Когда он был еще ребенком и только что принимался за азбуку, бабушка рассказывала ему, что каждый цветок в Райском саду – сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшим вином; в одних цветах лежит история, в других – география или таблица умножения; стоило съесть такой цветок-пирожное – и урок выучивался сам собой. Чем больше, значит, кто-нибудь ел пирожных, тем больше узнавал из истории, географии и арифметики!

В то время принц еще верил всем таким рассказам, но по мере того как подрастал, учился и делался умнее, стал понимать, что в Райском саду должны быть совсем другие прелести.

– Ах, зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запретного плода! Будь на их месте я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грех не проник в мир!

Так говорил он не раз и повторял то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лет; Райский сад заполнял все его мысли.

Раз пошел он в лес один-одинешенек, – он очень любил гулять один. Дело было к вечеру; набежали облака, и полил такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиной, которую вдруг прорвало и из которой зараз хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бывает разве только ночью на дне самого глубокого колодца. Принц то скользил по мокрой траве, то спотыкался о голые камни, торчавшие из скалистой почвы; вода лила с него ручьями; на нем не оставалось сухой нитки. То и дело приходилось ему перебираться через огромные глыбы, обросшие мхом, из которого сочилась вода. Он уже чуть не падал от усталости, как вдруг услыхал какой-то странный свист и увидел перед собой большую освещенную пещеру. Посреди пещеры был разведен огонь, над которым можно было изжарить целого оленя; да так оно и было: на вертеле, укрепленном между двумя срубленными соснами, жарился огромный олень с большими ветвистыми рогами. У костра сидела пожилая женщина, такая крепкая и высокая, словно это был переодетый мужчина, и подбрасывала в огонь одно полено за другим.

– Войди, – сказала она. – Сядь у огня и обсушись.

– Здесь ужасный сквозняк, – сказал принц, подсев к костру.

– Ужо, как вернутся мои сыновья, еще хуже будет! – отвечала женщина. – Ты ведь в пещере ветров; мои четверо сыновей – ветры. Понимаешь?

– А где твои сыновья?

– На глупые вопросы не легко отвечать! – сказала женщина. – Мои сыновья не на помочах ходят! Играют, верно, в лапту облаками, там, в большой зале!

И она указала пальцем на небо.

– Вот как! – сказал принц. – Вы выражаетесь несколько резко, не так, как женщины нашего круга, к которым я привык.

– Да тем, верно, и делать-то больше нечего! А мне приходится быть резкой и суровой, если хочу держать в повиновении моих сыновей! А я держу их в руках, даром что они у меня упрямые головы! Видишь, вон те четыре мешка, что висят на стене? Сыновья мои боятся их также, как ты, бывало, боялся пучка розог, заткнутого за зеркало! Я гну их в три погибели и сажаю в мешок без всяких церемоний! Они и сидят там, пока я не смилуюсь! Но вот один уж пожаловал!

Это был Северный ветер. Он внес с собой в пещеру леденящий холод; поднялась метель, и по земле запрыгал град. Одет он был в медвежьи штаны и куртку; на уши спускалась шапка

из тюленьей шкуры; на бороде висели ледяные сосульки, а с воротника куртки скатывались градины.

– Не подходите сразу к огню! – сказал принц. – Вы отморозите себе лицо и руки!

– Отморожу! – сказал Северный ветер и громко захохотал. – Отморожу! Да лучше мороза, по мне, нет ничего на свете! А ты что за кислятина? Как ты попал в пещеру ветров?

– Он мой гость! – сказала старуха. – А если тебе этого объяснения мало, можешь отправляться в мешок! Понимаешь?

Угроза подействовала, и Северный ветер рассказал, откуда он явился и где пробыл почти целый месяц.

– Я прямо с Ледовитого океана! – сказал он. – Был на Медвежьем острове, охотился на моржей с русскими промышленниками. Я сидел и спал на руле, когда они отплывали с Нордкапа; просыпаясь время от времени, я видел, как под ногами у меня шныряли буревестники. Презабавная птица! Ударит раз крыльями, а потом распластает их, да так и держится на них в воздухе долго-долго!..

– Нельзя ли покороче! – сказала мать. – Ты, значит, был на Медвежьем острове, что же дальше?

– Да, был. Там чудесно! Вот так пол для пляски! Ровный, гладкий, как тарелка! Повсюду рыхлый снег пополам со мхом, острые камни да остовы моржей и белых медведей, покрытые зеленой плесенью, – ну, словно кости великанов! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подул и разогнал туман, чтобы рассмотреть какой-то сарай; оказалось, что это было жилье, построенное из корабельных обломков и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крыше сидел белый медведь и ворчал. Потом я пошел на берег, видел там птичьи гнезда, а в них голых птенцов; они пищали и разевали рты; я взял да и дунул в эти бесчисленные глотки – небось живо отучились смотреть разинув рот! У самого моря играли, будто живые кишки или исполинские черви с свиными головами и аршинными клыками, моржи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.